

004

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

РІ 308454

А. ЗОНИН

УШАКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 1944

ВЕЛИКШЕ ЛЮДИ РУССКОГО НАРОДА

А. ЗОНИН

Федор Федорович

УШАКОВ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944**

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

ГОДЫ ПОДГОТОВКИ

В феврале 1761 года в петербургский морской шляхетский (дворянский) корпус был принят шестнадцатилетний Федор Ушаков. Новый кадет с удовольствием надел форменную куртку грубого сукна и тяжелые казенные сапоги; жадно смотрел он на леса корабельных мачт и адмиралтейские верфи, — его волновало зрелище парусов на фарватере, по которому шли корабли из Кронштадта и с Балтийского моря.

Дома, в селе Темниковского уезда Тамбовской губернии, Федор Ушаков не был избалован впечатлениями. Что он видел до этого? Лес и перелески, однообразную деревенскую жизнь, скудость в семье отца, Федора Игнатьевича Ушакова, имевшего по Петровской табели о рангах самый маленький чин — коллежского регистратора.

О морской службе Федор Ушаков знал до этого только по рассказам старого матроса, односельчанина Ефима, служившего на бомбардирском корабле в славное время великой Северной войны со шведами, полвека назад. Ефим говорил, что моряк должен быть выносливым, ловким и сме-

лым. Федор Ушаков ходил с рогатиною на мид-ведя, зимою спал в лесу, чувствовал крепкую силу в широких плечах и мускулистых руках и полагал, что в море будет не трудней, чем в лесу. Но с первых шагов в корпусе он понял, что, кроме физической силы и смелости, еще многое нужно морскому офицеру. Чтобы вести корабль, надо знать навигацию, требующую больших математических сведений. Сражения корабли ведут артиллерией, а управление пушками обязывает знать законы механики, и, значит, снова нужна математика. И еще важна наука корабельной архитектуры, которая тоже опирается на математику и механику. Надо изучать книги, например «Книгу полного собрания о навигации, или Каталог, содержащий о солнце, луне и звездах, также о полном, в знатных местах, заливах и реках, наводнении, и прочая к мореплаванию надлежащая в разных по Санкт-Петербургскому меридиану таблицах». Надо узнать значение и научиться применению всяких морских инструментов — градусников, ординарных квадрантов, компасов, Гаитировых шкал. А дома, у сельского попа, Федор Ушаков выучился лишь началам арифметики и беглому чтению по часослову и псалтырю.

Федор Ушаков был с детства упорен во всем, за что ни брался. Также упорно он взялся за учебу, и вскоре стал выделяться среди товарищей.

Ведущая группа преподавателей в корпусе принадлежала к числу моряков, оберегавших на флоте петровские традиции. Почти до самого поступления Ушакова в корпус директором его был Нагаев, описавший берега Балтийского моря и вообще много потрудившийся для создания русской гидрографии. Преподавали в корпусе: Харитон Лаптев, известный исследованиями полярных морей, и капитан 1-го ранга Г. Спиридов — боевой моряк и будущий чесменский герой.

Незаметно пролетели первые два года. Ушаков производил гардемарины. Как обычно, с таянием льда в заливе была вооружена эскадра для практических занятий балтийских моряков. На ее корабли и фрегаты были расписаны гардемарины. Эскадра пошла к шведским берегам, затем спустилась к острову Эзелю, зашла в Ревель и лишь осенью вернулась в Кронштадт. Начальство отметило ренность Ушакова в плавании. Он ловко работал при постановке и уборке парусов, обнаружил морскую зоркость, разбирался в ветрах, хорошо управлял шлюпкой. В следующем году он ушел в практическое плавание со званием капрала, старшим в группе гардемаринов. А еще через год — 1 мая 1766 года капрал Федор Федорович Ушаков успешно закончил учение и был выпущен из корпуса мичманом.

Прошло три года, прежде чем Ушаков получил следующий чин — лейтенанта. Эти три года были заняты суровой и трудной морской службой. Ушакову повезло: он находился в подчинении у

опытных и знающих моряков. Его первым командиром был капитан-лейтенант Глютов. С этим Ушаков отправился в переход на пинке — двухмачтовом военном транспорте «Нарген» — из Кронштадта в Архангельск. Это было большим испытанием морских способностей и знаний молодого офицера и богатым источником для расширения и углубления опыта. Корабль пересек Балтику с коварными мелями, прошел датскими проливами в Северном море, поднялся вдоль норвежских берегов, затем у северной точки европейского материка, мыса Нордкап, взял курс на восток — к горлу Белого моря.

Глютов, зная историю русского флота, напоминал офицерам пинка о первых переходах этим путем кораблей, строившихся в Архангельске и уходивших в Балтийское море отвоевывать у шведов древнерусскую приморскую землю. Ушаков слушал рассказы и сказки старых матросов, многие из которых были уроженцами севера, потомственными мореходами в этих суровых водах. И молодой моряк все сильнее привязывался к морю, все более понимал значение морей и морской силы для родины.

Ему становилась ясна государственная важность морской силы. Он уже мог по существу оценить завет Петра, что государство должно иметь две одинаково сильные руки — армию и флот.

Возвращаться в том же году было поздно: в горле Белого моря собрались тяжелые льды

Готов решил зимовать в Архангельске. Ремонтные работы на гинке познакомили Ушакова с архангельскими верфями, пополнили и его знания в судостроении. Но он с нетерпением ждал, когда гинк освободится от льдов и можно будет идти в обратный путь: он пристрастился к суровой морской жизни.

Мичман Ушаков мечтал о новом вояже, но в Кронштадте он был приписан к кораблю «Три иерарха». Пришлось помириться с плаваньем в Финском заливе. Зато он служил в этом плаванье под командованием С. Грейга и потом получил назначение на юг. Грейг, моряк высокой культуры, оценил широкий интерес Ушакова к службе, его командирские качества и быстро накопленный опыт. Поэтому, когда стали формировать отряд балтийских моряков для создания азовской флотилии, Грейг счел себя обязанным рекомендовать подающего надежды офицера.

Часть моряков, посланных с Балтики, осталась в Коврове, Новопавловске и Хоперске. Здесь были полуразвалившиеся верфи времен Петра и походов Миниха. Вице-адмирал А. Сенявин энергично восстанавливал их, закладывал корабли. Вероятно, молодой Ушаков несколько разочаровался, узнав, что «новоизобретенные» корабли не предназначены для плаваний в открытом море. Это были парусно-гребные плоскодонные суда, специально построенные для Азовского моря.

Но даже и на «вновь изобретенный» корабль не попал Ушаков. Он был назначен на прам № 5.

Прамов до сих пор Ушаков не видел. Это было совсем плоскодонное речное судно, управлявшееся парусами, вооруженное пушками крупных калибров для защиты устья Дона. Мечты о море надо было надолго забыть. Было, однако, и хорошее для двадцатичетырехлетнего офицера в этом назначении: он становился самостоятельным командиром. Ушаков с жаром взялся за обучение экипажа, уделял большое внимание быстроте и меткости стрельбы. На праме № 5, затем на праме «Дефебр» (названном в честь героического командира, взорвавшего бот с собою в 1737 году, чтобы не сдать его туркам) прошил почти два года службы. Ушаков уже был лейтенантом, был на отличном счету у начальства, но случая проявить свои способности в военных действиях ему не представлялось.

Война с Турцией началась в 1768 году, но события ее разворачивались медленно. Лишь в 1771 году главнокомандующий Дунайской армией фельдмаршал Румянцев нашел необходимым привлечь азовскую флотилию к операциям сухопутных войск. Румянцев стремился овладеть Крымом — тогда зависимым от Турции ханством. Турки могли подкреплять войска хана своими частями и снабжать крепости, пока Керченский (Еникальский) пролив был в их руках. Румянцев поэтому ставил вице-адмиралу Сенявину задачу выйти с флотилией в Черное море и отрезать с моря помощь крепостям Керчь и Еникале.

За два года Сенявин создал морской порт в Та-

ганроге; там же имелось теперь несколько фрегат-
тов. Не думая о превосходстве сил турецкого
флота, Сенявин вышел с двенадцатью судами
(около двухсот орудий), прикрыл движение при-
брежного корпуса войск и неожиданно появился
в проливе. Турки не приняли сражения, и Азев-
ское море стало внутренними русскими водами,
прочно запертыми Таманью и Керчью, на кото-
рые после захвата их русскими войсками могли
базироваться сторожевые корабли.

Боевая морская кампания потребовала опытного
офицерского состава. Ушаков был переведен
на фрегат «Первый», а затем получил в командо-
вание бот «Курьер». Это одномачтовое судно было
одновременно и гребным. Сила его заключалась в
пушках крупного калибра. Очевидно, за Ушако-
вым уже утвердилась слава умелого артиллериста.

Командование «Курьером» имело такое же зна-
чение, как и командование прамом. Но для Уша-
кова оно было выдающимся событием. Он
окончательно расстался со службою на реке и
совершал теперь плаванья в Черном море, ходил
в Фесдосию и Балаклаву, крейсировал в дозоре
на входе в Керченский пролив.

Даже на этом маленьком тихоходном корабле
лейтенант Ушаков мог показать свое морское ма-
стерство. Поэтому в конце кампании 1773 года мы
видим его в роли командира более крупных ко-
раблей — «Морея», потом «Модона». С последним
кораблем Ушаков зимовал в Балаклаве. Шли
слухи, что турки намерены высадиться на южном

берегу. На «Модоне» ходить в море Ушаков не мог — корабль оказался ветхим, и моряк делал сухопутные рекогносцировки. Они часто приводили молодого офицера к обширной бухте на северо-запад от развалин древней Корсуни. Татары называли бухту из-за обилия вокруг нее меловых холмов Ахтиарской, и татарская деревушка тут тоже называлась Ахтиаром — Белой горой. Ушаков все более убеждался в том, что бухта могла бы стать превосходным укрытием для большого флота.

Но Ушаков был всего только неизвестным лейтенантом и поэтому, оставив мысли о предприятиях государственной важности, возвращался к своим повседневным делам.

Турки действительно высадились в районе Ялты и пытались захватить Балаклаву. Экипажи зимовавших кораблей нанесли десанту несколько поражений, и турки вернулись на суда. К опыту Ушакова прибавилось участие в сухопутном военном деле. Оно было последним эпизодом его биографии в этой войне. Скоро был подписан Кучук-Кайнарджийский мир, и Россия прочно утвердилась на Черном море, еще во времена Киевской Руси называвшегося Русским.

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Не сразу после Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года в Петербурге поняли, что надо усиленно строить Черноморский флот. Штаты сокращались, офицеры вновь переводились в Балтийский

флот, Уехал и Ушаков. После четырнадцатилетнего отсутствия он ползился на три месяца в родных местах. Он бродил в лесу, а мыслями был на флоте. Шестилетнее пребывание на юге, особенно в последние крымские годы, создало прочные привязанности. Федор Федорович смутно чувствовал, что оставил поле широкой морской деятельности, оставил край, которому надлежит сказочно развиться. Тучная плодоносящая земля, теплое море, естественные гавани — остается приложить труд и, конечно, до конца решить спор с Турцией.

Он явился в петербургскую корабельную команду и здесь узнал, что произведен в капитан-лейтенанты, что для него есть должность на специальном средиземноморском отряде. Он не раздумывал: снова быть в теплых морях, на путях героев сражения у Чесмы, прославивших Балтийский флот, познакомиться с английским, французским флотами — что могло быть лучше?

Специальный отряд отправлялся с грузом железа, тросов и юфти. Три фрегата шли под купеческим флагом, четвертый — «Северный орел» — под военным флагом в качестве официального конвоира. Начальником отряда был командир «Северного орла» Козлянинов. Ушаков был назначен к нему старшим офицером. Это была несколько раз уже повторявшаяся экспедиция из Балтики в Средиземное море. Цель ее, конечно, определялась не только стремлением «для расхо-

лов вне государства и для сохранения курса от упадка отправить из Петербурга русские товары на казенный счет для продажи в иностранных местах», как говорилось в официальном документе. Было важнее, что экспедиция увеличивала небольшие русские силы, остававшиеся в Средиземном море после войны.

Капитан-лейтенант Ушаков плавал между разными портами Средиземноморья в продолжение двух лет. По приходе в Ливорно он был назначен командиром фрегата «Св. Павел» и посетил на нем многие острова Архипелага, Адриатическое и Ионическое моря. Был он и в Константинополе, пройдя к нему Дарданеллами и Мраморным морем. На средиземноморском востоке православное, славянское и греческое, население с симпатией относилось к русскому флагу. Недавняя закончившаяся сожжением турецкого флота чесменская победа русских моряков была у всех свежа в памяти. Многие приморские жители ждали, что Россия будет укреплять свои позиции на Средиземном море. Хотелось в это верить и Ушакову. Он внимательно изучал пути, на которых ходил его корабль, запоминал приметные береговые места, течения, постоянные ветры.

В начале 1779 года адмиралтейств-коллегия предложила отряду возвратиться в Кронштадт. Корабли пошли с расчетом быть весною дома и действительно бросили якоря в гавани, едва очистившейся от льда.

Федор Федорович Ушаков сразу был назначен

командиром корабля «Георгий Победоносец». Затем, как только кончилась летняя кампания, на него возложили тяжелое поручение. С Волги, от Рыбинска и Твери, Ушаков должен был организовать доставку корабельного леса на Петербургские верфи. Он взялся руководить делом основательно: всю зиму следил за вывозкой леса к местам сплава, весной объезжал места, где лес сплачивался и вязался в плоты, и вернулся в Петербург лишь в августе следующего, 1780 года, когда убедился, что все задание в точности выполнено.

Почти двадцать лет назад угловатым подростком он появился в столице. Теперь он был видным моряком, знал Белое, Балтийское и Черное с Азовским моря и побывал в дальних плаваньях. У него был почти десятилетний стаж успешного самостоятельного командования кораблями. Он был одинаково хорошим артиллеристом и администратором. И адмиралтейство великодушно решило назначить бравого, талантливого офицера на должность, которую считали почетной и видной одновременно. Адмиралы считали, что моряк Ушаков подходит для пышного царского двора. Адмиралы не подумали: подойдет ли двор для Ушакова?

Пробыв несколько недель командиром императорской яхты, Ушаков стал тяготиться своим положением. Он не был пригоден для роли придворного карьериста, искателя теплых местечек и протекции. Он отпросился на корабль в плава-

ние. Примечательно, что сто лет спустя такое же событие было в жизни другого великого русского моряка, Степана Осиповича Макарова. Как и Ушаков, он искал плодотворной деятельности и решительно отверг предложение стать командиром императорской яхты «Ливадия».

С сентября 1780 года до лета 1782 года Ушаков командовал шестидесятичетырехпушечным кораблем «Виктор». Снова началась размеренная корабельная жизнь. В 6 часов дудка, обход корабля: В 6.30 чай и утренние занятия. В 8 часов подъем флага, после чего производились парусные, шлюпочные и артиллерийские ученья. В 11.30 флотский обед по строгому расписанию, завoденному Петром I. Ушаков с юности привык к кашам, солонине, ржаному хлебу и разносолов не признавал. День проводил командир в работе, а в 5.30 пополудни спускался в кают-компанию: там собирались все офицеры.

На «Викторе» Ушаков снова ходил в Средиземное море в составе эскадры Сухотина. Это второе путешествие длилось всего год. Когда Ушаков вернулся, адмиралтейств-коллегия поручила ему наблюдение за достройкой фрегата «Проворный». Этот фрегат был первым русским кораблем, подводная часть которого обшивалась металлическими листами. Возможно, что это поручение было дано по инициативе самого Ушакова. Он много плавал в теплых морях, где особенно быстро происходило вредное для скорости корабля обрастание корпуса ракушками и водорослями, и,

конечно, знал, что в Средиземном море против этого употребляют обшивку медными листами.

Но приняв «Проворный» и действительно занимаясь кораблестроительными работами, Ушаков много думал о Черном море. Ему было 38 лет, он получил звание капитана 2-го ранга, командовал кораблем, но чувствовал, что может делать гораздо больше. Он узнал, что принято решение основать военный порт и базу для эскадры в знаковой бухте Ахтиар, что в Херсоне скоро будет спущен 66-пушечный корабль «Слава Екатерины». Говорили также, что для Черного моря будет принят штат в 12 линейных кораблей и 20 больших фрегатов. Из личного состава Балтийского флота уже комплектовали команды для семи кораблей и фрегатов на Черное море. Ушакову, бывалому черноморцу, нетрудно было оказаться в числе командируемых, тем более, что офицеры из знати предпочитали петербургскую жизнь: морские плаванья на Балтике им нравились своей короткой летней сезонностью. Не стремились офицеры из знати на юг и потому, что там правил с неограниченными полномочиями Григорий Александрович Потемкин, крутой администратор, требовавший работы и не считавшийся ни с какими протекциями.

Ушакову, как и каждому серьезному офицеру той эпохи, было ясно, что близятся сроки новой русско-турецкой войны. Дипломатия королевской Франции, как огня, боявшаяся, что усиление позиций России на юге, на Черноморском побе-

режье, приведет к тому, что Россия получит право голоса в средиземноморских делах, в течение всего восемнадцатого века натравливала Турцию на Россию. По тем же причинам особенно настойчиво действовала против России в Константинополе английская дипломатия. Турецкое правительство соблазняли планами отвоевать Крым и устье Днепра. Недруги России надеялись, что выгодные стратегические позиции — крепость Очаков, запиравшая Днепровско-Бугский лиман, Анапа, недалеко от Керченского пролива, и ряд крепостей на Дунае — в соединении с мощным турецким флотом и большой армией позволят отбросить Россию от Черного моря и ликвидировать Кучук-Кайнарджийский мир.

Между тем край, приобретенный Россией в прошлую войну, еще не был устроен. Он еще не мог снабжать армию, а пути к нему из основных русских центров были длинные и плохо организованные. Для победы в войне с Турцией требовались объединенные действия армии и флота. А флота, который мог бы сражаться с турками, не было. Вот почему Потемкин с громадной энергией и великолепным организаторским размахом начал создавать Черноморский флот. В 1779 году, через год после основания Херсона, был заложен корабль «Слава Екатерины». Предполагалось, что ежегодно будут строиться четыре таких корабля. На деле же до 1787 года построили всего три корабля и вместе

онскими верфями двенадцать фрегатов. Потемкин, получивший в 1785 году непосредственную власть над «Черноморским морским правлением», добился сдачи в строй ежегодно, начиная с 1787 года, по два линейных корабля. И все же этого было совершенно недостаточно, чтобы достигнуть равенства в морских силах с Турцией.

Ушаков уехал из Петербурга в Херсон с полным штатом офицеров и матросов для своего нового корабля. Но корабль не был готов и не скоро мог быть на воде. Жизнь в новом городке замерла. Удушливый дым навоза полз со всех концов. Стояли заколоченные дома; из незаколоченных вытаскивали трупы, — свирепствовала чума.

Ушаков немедленно направил экипаж в степь и построил изолированный от очагов заразы лагерьный городок. В нем был свой карантин. Были небольшие лазаретные палатки. Больные направлялись в лазарет; соприкасавшиеся с больными — в одиночные карантинные палатки. Чуме был закрыт доступ в Ушаковский городок. И он мог отправлять матросов группами на строительство корабля, строго наблюдая, чтобы между лагерем и местом работы его люди не имели сношений с населением. Инициатива Ушакова была подхвачена другими командирами и отмечена Потемкиным. Доклад о деятельности Ушакова во время чумной эпидемии пошел в Петербург, и оттуда последовала письменная благодарность адмиралтейства. Императрица наградила Ушакова орде-

ном Владимира 4-й степени и произвела в капитаны 1-го ранга.

В 1784 году Ушаков — во вновь возникшем порту Севастополе. Отсюда он уходит в летнее плавание на новом, приведенном им из Херсона большом 86-пушечном корабле. Какой контраст за десять лет! Мертвая бухта ожива. По крутым спускам к морю пролегли дороги, лепятся дома и землянки, строятся причалы, склады, на мыске у входа в бухту возведена батарея.

Но Федор Федорович Ушаков понимал, что мало просто завести флот, надо построить такой флот, какой нужен для победы. А пока все клонилось к тому, что флот будет и численно слабее и по мореходным качествам хуже турецкого.

При существовавших обстоятельствах Потемкин сделал все возможное. Но не было средств строить больше. Не было строителей, чтобы улучшить корабельную архитектуру по планам, которыми когда-то делился С. Грейг в беседах с лейтенантом Ушаковым. В степной край доставлялся свежезаготовленный корабельный лес, и суда строились спешно, на мало оборудованных верфях. Тем не менее надо было в предстоящей войне победить турок. Это тверже всего знал Ушаков. Надо победить турок в море. Как? Что же сделать для этого? Чем возместить недостаток в числе и силе кораблей?

Петр I в войне создавал флот. Однако этот молодой и малочисленный петровский флот разгромил прекрасно снаряженных и вышколенных

инедов. В Херсоне сухопутные офицеры рассказывали о генерале Суворове и о его знаменитых флангорийцах. Солдаты Суворова умели совершать чудесные быстрые марши. Они превосходно работали штыком, стреляли редко, да метко. Они никогда не показывали неприятелю спину. Им был привит наступательный дух. Они действовали внезапно по планам Суворова, которые наперед не могли даже притти неприятелю в голову.

Ушаков верил в матроса и любил его. Двадцать лет он жил с матросами как строгий, но внимательный начальник. Его действия в Херсоне столько же диктовались деловыми соображениями, сколько чувством привязанности к своему экипажу. Но что можно перенять у сухопутного генерала? И как применить на корабле опыт воспитания суворовских пехотинцев?

Ответы и на это были найдены. Конечно, матросам не надо совершать маршей. Но корабли должны делать благодаря ловкой работе матросов быстрые и точные эволюции. Надо, чтобы управление парусами на русских кораблях было намного выше, чем на вражеских. Абордажный бой — подобие штыкового. Но такой бой вели между собой отдельные корабли и — с развитием морской артиллерии — сравнительно редко, так как искусство маневрирования позволяло не допускать до абордажа. Ушаков понял, что главное оружие для разгрома численно сильного противника — артиллерия. Канониров надо со-

звершеествовать, офицеров — учить управлению прицельным огнем.

Жизнь матросов приучает их к смелости, отваге. Привить им наступательный дух, презрение к смерти, научить тому, чтобы в боях все силы и чувства их сосредоточивались на борьбе за победу, — вот задача боевой подготовки в мирное время. Эти мысли четко определились в 1784 и 1785 годах, потому что на Ушакова легла непосредственная ответственность за обучение личного состава флота. Потемкин, познакомившись со знаниями команды корабля Ушакова, возложил на капитана 1-го ранга Ушакова главное руководство боевой подготовкой. Но элементы ушаковских способов воспитания матроса можно обнаружить значительно раньше 1784 года. В частности, на всех кораблях, где Ушаков служил, управлению парусами и артиллерии он уделял постоянное и напряженное внимание. Но теперь все стороны воспитания соединились в одну цельную программу и подчинены были одной важнейшей задаче: подготовить морскую победу над сильнейшим противником.

Непосредственный начальник Ушакова граф Войнович был слишком ленив, чтобы помогать младшему флагману, но и достаточно нерешителен, чтобы воспрепятствовать усердию Ушакова, хотя ему не сочувствовал. Поэтому Ушаков свободно мог выполнять свои планы, поддержанные Потемкиным.

Правда один раз Войнович пожаловался По-

Потемкину, но Ушаков сумел себя отстоять. Эскадра была в крейсерстве, и ее застиг шторм. Ушаков, командовавший подветренным отрядом, поднял сигнал: «Спуститься для укрытия в порт». Наветренные корабли, бывшие в непосредственном подчинении Войновича, бесполезно подвергались яростным ударам волн и порывам ветра, пока Войнович не сделал такого же распоряжения. В результате корабли Ушакова остались целы, а кораблям Войновича пришлось идти в пощипку. Войнович, должно быть, услышал неслышные для себя речи моряков и сообщил Потемкину, что Ушаков действовал без приказа. Потемкин спросил у Ушакова объяснения. Тот не хотел оправдываться и только отвечал: «Виноват, но так следовало».

Он выразил этими словами черты своего характера: всегда делать то, что следует.

Изо дня в день Ушаков терпеливо проводил свою программу воспитания матроса и не допускал отступлений от нее. Матрос должен был знать морской устав и все основы повседневного корабельного порядка. Матроса-новобранца учили бегом ходить по кораблю, бегом спускаться и подниматься по трапам и штормтрапам, лазать на мачты до клотика, ходить по реям. Матросов учили вязать морские узлы, плести тросы, шить паруса. Цель была в том, чтобы команда в любой боевой обстановке могла исправить повреждения в оснастке. Особое внимание уделялось плаванию на шаюнке под парусом и на веслах. Матросы долж-

ны были приобрести выносливость и сноровку, силу и ловкость.

Летом 1787 года Екатерина II совершила поездку на юг. Из Херсона она прибыла в Севастополь, осматривала эскадру и произвела Войновича в контр-адмиралы, а Ушакова в капитаны бригадирского ранга.

В начале своего царствования Екатерина видела Балтийскую эскадру в жалком состоянии. За 25 лет флот решительно изменился. На смотре молодой Черноморской эскадры было всего три линейных и три бомбардирских корабля, двенадцать фрегатов и два десятка мелких судов, пришедших из Архипелага. Но на этих кораблях действовали умелые моряки, делали точные и сложные эволюции, метко стреляли. Императрица хвалила все устройство, а Ушаков при этом думал, что одного устройства мало. Но о своих тактических соображениях он еще никому не рассказывал.

ТАКТИКА УШАКОВА В ДЕЙСТВИИ

Едва Екатерина покинула Севастополь, война началась неожиданным нападением турок на дозорные корабли. Большая турецкая эскадра появилась у крепости Очаков. Заградив выход из Днепровского лимана, турки изолировали Севастопольскую эскадру Войновича, для которой достраивались несколько кораблей в Херсоне. Опасность угрожала также Херсону, который защищала эскадра Мордвинова.

Надо было действовать быстро и решительно. Потемкин предписал Войновичу атаковать турецкий флот. «Подтверждаю вам собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших... Где увидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хоть всем пропасть». Потемкин требовал удара по турецкому флоту, потому что боялся высадки турок в Крыму. Сухопутные армии не были еще собраны, и войска ограничивались обороной южных рубежей.

В начале сентября 1787 года Войнович вышел в море с тремя кораблями и семью фрегатами. Но жестокий шторм раскидал корабли эскадры. Один корабль без мачт и руля буря отнесла к Босфору, и им овладели турки. На флагманском корабле «Слава Екатерины» тоже пришлось срубить все мачты. «Св. Павел», на котором был флаг начальника авангарда Ушакова, несколько дней был на краю гибели. Открылась сильная течь. Паруса были изорваны в клочья, весь рангоут побит. Ушаков подавал команде пример спокойной и упорной борьбы со стихией. Он стоял на шканцах и руководил работой в снастях, заменой парусов, откачиванием воды. Он поддерживал бодрость в упавших духом, поощрял отчаявшихся отвагою. Как только стих ветер, он начал исправлять повреждения и вошел в Севастополь в значительно лучшем положении, чем другие корабли. Но о поиске неприятеля и сражении теперь нельзя было думать несколько недель.

Туркам открывалась полная свобода действий. Но их командующий проявил непонятную нерешительность. Неприятельский десант был отбит Суворовым у Кинбурна при удачном содействии Херсонской эскадры, и турецкий флот покинул Очаковский рейд. Война до следующей весны замерла. Передышка была энергично использована для укрепления входа в Днепровско-Бугский лиман и усиления флота. Когда в июне турецкий флот появился у наших берегов и попытался проникнуть к Херсону, его встретил ожесточенный огонь суворовских батарей с Кинбурнской косы. Усиленная грёбная флотилия контратаковала турок. Сражение было успешно для русского оружия. Потери на батареях и грёбных судах составили около ста солдат, матросов и офицеров. А турки потеряли шесть кораблей и два фрегата, одно бомбардирское и несколько мелких судов. С сожженных и потопленных судов попали в плен до двух тысяч турок, а убитых, раненых и утонувших врагов было до шести тысяч. Если бы Войнович в это время подоспел к Очакову, поражение врага могло завершиться полным разгромом. Но командующий Севастопольской эскадрой медлил, и турки спокойно отступили к Босфору. Здесь их флот был подкреплен рядом новых кораблей и снова направился на театр военных действий.

Между Одессой и устьем Дуная есть маленький островок Фидониси. Здесь на рассвете 3 июля наконец встретились эскадры. Обе стороны хо-

тели сражения. Турки надеялись на победу, потому что имели двойное превосходство в силах — двадцать пять линейных кораблей и фрегатов против двух кораблей и десяти фрегатов русских. По числу пушек турецкий флот имел еще большее преимущество. Турецкий флот имел также в момент встречи более выгодное положение для маневра. Он находился на ветре и мог легко обрушиться огнем своих громадных сил на маленькую эскадру. Но турецкий адмирал действовал по рутинным правилам морской тактики XVIII века, которая предписывала вести бой в кильватерной колонне, сохраняя линию. Правда, турецкий командующий попытался сосредоточить огонь всех своих судов на пяти русских кораблях и крупных фрегатах. Но Ушаков неожиданным маневром опрокинул этот план артиллерийской дуэли.

Как и в прошлом году, Ушаков командовал авангардом. Он разгадал хитрый план противника и приказал передним фрегатам поставить все паруса, обойти авангард турецкого флота и с ближайшей дистанции вести огонь. Опасаясь оказаться между двух огней, турецкий авангард придержал к ветру, и эскадры сблизилась уже в невыгодном для турок положении. Ушаков не заботился о сохранении линейного порядка. Он поднял сигнал «атаковать» и стал палить по ближайшим кораблям турок.

Прицельный огонь, который вели со «Св. Павла» и других русских кораблей, с ливною

возмещал превосходство неприятеля в численности. Войнович вынужден был следовать за Ушаковым и держаться той же тактики. Впрочем, все командиры следили прежде всего за сигналами и эволюциями начальника авангарда.

А Ушаков не довольствовался тем, что в турецком авангарде многие корабли стали беспорядочно уклоняться от боя и отступать. Он маневрировал, чтобы обрушиться на командующего неприятельским флотом.

Эски-паша имел гордое прозвище «крокодила морских битв». Взбешенный трусливым нарушением боевой дисциплины своих подчиненных, турецкий адмирал тщетно пытался заставить их вернуться. Он даже приказал открыть по отступающим пальбу. Но скоро сам дрогнул под сокрушительным ударом батарей Ушакова. Скорострельность и меткость огня русских были изумительны.

Ушаков потому и устремился к кораблю неприятельского командующего, что поражение флагмана, потопление или обращение его в бегство должно было окончательно сломить общее сопротивление врага. Он не ошибся. Как только Эски-паша вышел из линии и стал ложиться на другой галс, все турецкие корабли подняли паруса и обратились в бегство.

Первое побуждение Войновича выразилось в искренней признательности младшему флагману. Он послал сразу после сражения письмо с поздравлениями: «Поздравляю тебя, батюшка Фе-

двор Федорович: сего числа поступил весьма храбро; дал ты капитану-паше порядочный ужин. Мне все видно было». Ушаков скромно не считал себя главным победителем. Его радовала мысль, что в первом же сражении удалось применить суворовские принципы. Он отмечал для себя, что атака, охватывающая авангард и разрезающая силы противника, — верное средство для победы. Он отмечал для себя, что не надо принимать бой так, как хочет противник: надо навязывать ему бой там, где можно с меньшими силами оказаться временно сильнейшей стороной. И, наконец, он делал вывод, что стойкость турок кончается со стойкостью флагмана и, значит, нужно в первую голову атаковать флагмана, лишит неприятеля руководства.

Он сел писать рапорт Войновичу, в котором просил представить к награде трех командиров передовых фрегатов, удачно выполнивших маневр и завязавших сражение. Он просил также наград для офицеров и матросов своего корабля. Дружеский тон записки Войновича определил характер выражений Ушакова. Он подчеркивал, что его успех был возможен благодаря храбрости, воинскому и морскому искусству экипажа. «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей; они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такою сноровкою, что казалось, каждый учится стрелять по цели...»

Дальше шли фразы, которые Войновичу особенно не понравились.

«Прошу, — писал Ушаков, — наградить команду, ибо всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи, равно и в прошедшую кампанию одна только их ко мне доверенность спасла мой корабль от потопы, когда штормом носило его по морю».

Войнович уже поостыл от первых чувств радости. Он забыл уже, о чем писал Ушакову, и ждал, что тот скажет в рапорте лестное слово об участии Войновича в победе. А прямодушный Ушаков словом не обмолвился об этом. Бесило Войновича и напоминание о прошлогоднем шторме, когда он тоже распорядился хуже Ушакова. Как это бывает со слабыми людьми, Войнович решил отстоять свой авторитет и свое значение в победе любыми средствами. Одним из таких средств была отказ в представлении к награде командиров кораблей авангарда. Войнович послал «реляцию» — донесение о победе — в таком виде, что о действительном ходе сражения из нее ничего нельзя было узнать. Имя Ушакова в реляции вовсе не упоминалось.

Ушаков, конечно, узнал содержание донесения Войновича. Неукротимая ненависть ко лжи и оскорбленное достоинство офицера звучат в его письме к Потемкину. Он писал это письмо с явным чувством отвращения к Войновичу; требовал себе отставку, чтобы «не служить с бесчестным человеком». Войнович «хотел отнять у нас честь и славу, которую отменным случаем заслужили», с горечью говорил Ушаков.

Потемкин ответил награждением Ушакова орденом Владимира 3-й степени, производством в контр-адмиралы и назначением командующим Севастопольской эскадрой вместо Войновича.

Теперь Ушаков мог не только проводить в жизнь свою систему боевой подготовки экипажей кораблей, но и свободно применять выработанные им тактические принципы.

С марта 1790 года весь Черноморский флот был подчинен Ушакову. Перед летней кампанией он успел сменить ряд командиров и усилил ремонт кораблей. Против 1789 года Севастопольская эскадра на три месяца раньше была готова к выходу в море и немедленно начала практические занятия эволюциями и стрельбой из орудий. Сам Ушаков спешно уехал в Яссы, где Потемкин утвердил план кампании, и так же спешно вернулся в Севастополь. В Яссах была решена набеговая операция на малоазиатское побережье. Ходили слухи, что турецкий флот принимает в Анатолии полки, назначенные для усиления северокавказской группы турецких войск. В крейсерство Ушаков выбрал наиболее ходкие корабли, чтобы средний эскадренный ход был больше обычного. В эскадру вошли семь кораблей и фрегатов и одиннадцать корсарских судов — бригов и шхун.

Военно-морской историк Н. В. Новиков высоко оценивает этот поход. «Это был первый поход флота, образцово выполненный по правильно составленному плану, в основу которого была по-

ложена ясная военная мысль — проверить полученные секретные сведения о намерениях Турции на месте и уничтожить все, что могло бы содействовать успешному выполнению замысла противника».

Внезапно появлялись корабли отряда Ушакова перед анатолийскими портами. Каботажные перевозки — главное средство обмена между районами Анатолии — прекратились. Транспорты безуспешно прятались. Корабли Ушакова не оставили без проверки ни одного пункта анатолийского побережья. Они топили и сжигали неприятельские суда при попытке сопротивляться; отправили в Севастополь много призов с ценными грузами. Турецкая эскадра стояла в Синопе, но не сделала попытки выйти. Врагу казалось, что Ушаков пришел со всем Черноморским флотом. Обстреляв турецкие военные корабли у Синопской косы и причинив им серьезные повреждения, Ушаков удалился. Он не хотел, чтобы противник опомнился и разобрал, что имел дело с дерзким крейсерским отрядом. Так же неожиданно для турок, с исключительной быстротой поднялся отряд на северо-восток и появился перед Анапой. В порт и крепость полетели раскаленные ядра и бомбы. Нанеся туркам моральный и материальный удар, Ушаков вернулся в Севастополь. Все это замечательное крейсерство продолжалось три недели. Оно имело большое значение и для воспитания наступательного духа черноморцев. Участники похода рассказывали о мастерском командо-

вании контр-адмирала, о панике турок. Все вспомнили роль Ушакова в сражении у Фидониси. Создавалась уверенность, что новая встреча с турецкой эскадрой обойдется ей еще дороже Фидониси.

Ушаков не собирался почить на лаврах и тем охладить пыл офицеров и матросов. Он намерен был и впредь поддерживать на Черном море русское «господство сильной рукой».

ТРИ СРАЖЕНИЯ — ТРИ ПОБЕДЫ

Посланные Ушаковым для разведки легкие корабли донесли, что турецкий флот из Синопа перешел в кавказские порты и готовился идти в Крым с десантными войсками. Ушаков немедленно оставил Севастополь и избрал якорную стоянку у мыса Такил, при входе в Керченский пролив. С ним было пятнадцать кораблей и фрегатов и семнадцать мелких судов. Флот противника состоял из пятидесяти четырех вымпелов, в том числе четырех очень крупных кораблей; всего у турок было восемнадцать кораблей и фрегатов. Неприятельский флот показался 8 июля. Как только на горизонте выступили верхушки вражеских мачт, Ушаков приказал сниматься с якоря и идти на сближение.

Турки пользовались полным ветром, и скоро их сильные корабли начали стычку с авангардом Ушакова. Черноморцы отвечали метким огнем, препятствуя дальнейшему движению турок.

Морской глаз Ушакова оценил обстановку. Выгодно было продолжать бой, поддержав основными силами эскадры авангардные корабли. Но надо, чтобы турки разобрались в этом решении возможно позже. Ушаков дал сигнал фрегатам выйти из линии на фланги. Турки решили, что наиболее слабые русские корабли покидают поле боя, и ослабили наступление на авангард, направив часть кораблей на совершавшие маневр фрегаты. Этого-то и ожидал русский флотоводец. Немедленно его центр (кордебаталия) плотно сомкнутым строем на полных парусах пошел на помощь авангарду. Неожиданно для неприятеля большая часть русских сил охватила авангард турецкого флота на расстоянии картечного выстрела. Началось избиение турецких кораблей. Картечь рвала паруса, сбивала рангоут, сметала с палуб артиллерийскую прислугу. Как и в фидонисийском сражении, канониры ушаковских кораблей били прицельно. Картечь не посылалась зря. Каждый залп истреблял людей, наносил серьезный ущерб вооружению противника. Как на смотру, банники быстро очищали каналы оружейных стволов. Размеренными движениями матросы забивали пыжи, сыпали порох в запал, вставляли ядра, ломая и ганшпугами наводили пушки.

— Фитиль!

— Пла!

В воздухе стояла гарь от жженных тряпок и дымного пороха. Темножелтые облака, подсвеченные пламенем, ползли над морем. В грохоте рус-

ских выстрелов и треске дерева заметно слабел ответный огонь неприятеля.

На клотике корабля Ушакова снова появилась серия сигналов. Точно, без промедления, повторяли их другие корабли и отвечали исполнением. Турецкий адмирал увидел, что русский флагманский корабль быстро идет на него. На вантах бизани, за сетками бортов русского корабля блесло абордажное оружие, поднимались абордажные крюки. Не заботясь об участи своего адмирала, корабли турок круто поворачивали и отступали. На корабле младшего турецкого флагмана возник пожар, флаг вице-адмиральского корабля был сбит и взят русскими с воды. Несколько кораблей, лишенных управления, упали под ветер за русскую линию, и их жестоко избивали фрегаты, составившие свежую резервную линию. Снова был победителем страшный «Ушак-паша». Так именовали в столице Турции и на ее флоте Федора Федоровича Ушакова. Турецкому командующему оставалось отступить.

Убедясь, что паника охватила весь турецкий флот и он убегает, Ушаков поднял сигнал погони. Но дело шло к вечеру, и турецкие корабли, лучшие ходоки, чем русские, сумели скрыться.

Прошло шесть недель после этого сражения. Турки в надежде, что численность их флота в конце концов даст им победу, снова пополнили свою Черноморскую эскадру. Командующему Гусейну, потерпевшему поражение у Керчи, был прислан советник, опытный моряк Саид-бей: на

кораблях было много иностранных инструкторов. Турецкий флот прошел к Тендре и расположился между ним и селением Гаджи-бей (на месте позднее основанной Одессы; за одним из одесских лиманов сохранилось название Гаджибеевского). Неприятель стал здесь на якорь, препятствуя переходу флотилии днепровских гребных и парусных судов на Дунай, где она должна была взаимодействовать с армией.

Из сражения у Керчи Ушаков вынес убеждение, что создание резерва, сохраняемого для участия в решительном этапе боя, имеет важное значение. И 28 августа он подходил к турецкой эскадре, снова выделив три фрегата в резерв. Наблюдение у неприятеля было скверное. Притом турки не рассчитывали, что на их соединенные силы Ушаков рискнет напасть со своей небольшой эскадрой. Они с опозданием стали рубить канаты и вступать в паруса. Со шканцев своего корабля Ушаков видел, как турки поворачивают на левый галс и ложатся в бейдевинд. Это значило, что неприятель хочет обеспечить себе отступление к Дунаю. Ушаков приказал прибавить парусов и спускаться на противника. Такое движение могло отрезать арьергард неприятеля. Поэтому командование турок вынуждено было отказаться от первоначального плана; неприятель снова поворотил на правый галс и выстроил корабли в линию баталии, чтобы спасти задние корабли от истребления или плена. Но этот растянувшийся во времени маневр не мог восстано-

вить положения, с выгодой для турок. Ушаков уже спустился с главными силами на картечный выстрел и жестоко поражал эскадру. Один за другим поврежденные турецкие корабли выходили из линии и спускались под ветер. На этот раз потребовалось всего два часа, чтобы неприятель признал свое поражение и бежал.

Ночь развела эскадры, но с рассветом Ушаков нагнал неприятеля. Деморализованные накануне, турки даже не пытались строиться и рассыпались в разные стороны. Корабль «Владыка морей» («Мелеки-Бахри») спустил флаг. На нем было взято в плен 560 матросов и офицеров. Преследуемый корабль Саид-бея после упорного сопротивления был подожен брандскугелем (особым зажигательным снарядом) и взлетел на воздух. Турецкий адмирал, восемнадцать офицеров и шестьдесят матросов, сошедшие в шлюпки, были взяты в плен. Из бежавших кораблей несколько затонуло, не дойдя до Босфора. Среди них был 74-пушечный корабль. В плен попали также два брига и канонерский корабль.

От большого разгрома турок снова спасли высокие мореходные качества их кораблей; по скорости хода русские корабли не могли соперничать с судами противника. Но, конечно, это только увеличивало славу русских моряков и значение их победы. Шестнадцать кораблей и фрегатов, каждый из которых был слабее соответствующего корабля противника, разбили эскадру, состоявшую из двадцати двух кораблей и фрега-

тов. На четыре линейных корабля был сильнее потерпевший поражение флот! Каждый из кораблей турок имел на 10—15 орудий больше, чем русский линейный корабль! При этом соотношении в огневых средствах потери Ушакова составили около пятидесяти убитых и раненых, потери же неприятеля около двух тысяч.

Значило ли это, что турки совершенно не умели пользоваться своей материальной силою, не умели стрелять и управлять кораблями? История турецких морских войн в Средиземном море, действия их корсаров из африканских владений и Архипелага показывают, что турецкие моряки были достаточно опытны и храбры.

Но главное преимущество русских было именно в том, что ими командовал Ушаков, а у турок после XVI века не было никогда хорошего флотоводца. Другим преимуществом русских были великолепные комендоры (артиллеристы).

В каждой встрече с ушаковскими моряками турки бывали так стремительно атакованы, что не успевали управляться. Маневры русских кораблей были неожиданны, сильный огонь лишал врага активности. Турки переходили к пассивной обороне, а она влекла к поражению и не позволяла наносить урона победоносному противнику. Играло значительную роль в поражении турок и то обстоятельство, что их флот не представлял национальной силы. Экипажи состояли из разных народностей, не связанных патриотическим чувством. Экипажи набирались

большей частью на время войны и не отличались дисциплиной кадровых моряков, прошедших серьезную боевую подготовку.

Потемкин с восторгом принял победителя у Тендры и Гаджи-бея. Ушаков получил высокую награду — орден Георгия 2-го класса; ему была назначена ежегодная пенсия и выдана дарственная на землю с пятьюстами душ крепостных. (Пенсии этой и земли с крестьянами, кстати сказать, Ушаков фактически не получил.)

Ушаков мог теперь высказать в беседе с Потемкиным свои тактические взгляды, изложить способы победоносной борьбы. Живой ум Потемкина оценил мысли командующего Черноморским флотом. Особенно заслуживающими внимания представлялись Потемкину расчеты Ушакова на тактический резерв и на поражение флагманов противника. Потемкин счел даже необходимым закрепить приказом создание резерва из четырех фрегатов, который должен был находиться при корабле командующего, и наименовал этот резерв «эскадрю кейзерфлага». «С помянутою эскадрю, — обращался главнокомандующий к Ушакову, — толкайтесь на флагманский корабль, обняв его огнем сильным и живым; разделите, которое судно должно бить в такелаж, которое в корпус, и чтобы при пальбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брандскугели, но не занимайтесь брать, а старайтесь истребить, ибо одно бывает скорее другого. Требуйте от всякого,

чтобы дрались мужественно, или, лучше скажу, по-черноморски».

Нетрудно понять, что Потемкин излагал мысли Ушакова, притом оправданные на опыте. Но вероятно, в части командного состава, особенно среди иностранцев-специалистов, были недоброжелатели Ушакова, подобные снятому в прошедшем, 1789 году Войновичу. Они могли говорить, что Ушаков воюет не по правилам, критиковать его командование, снижать значение его побед, утверждать, что при ином ведении боя было бы больше взято в плен, и т. д. Ведь в это время так же критиковали новую русскую сухопутную тактику Суворова.

Авторитет Потемкина в стране и особенно на южной Украине, где он полновластно единоначальствовал, был исключительно велик. Поэтому такое письмо как бы узаконяло тактику Ушакова, объявляло ушаковский метод сражаться национальной морской тактикой. Для Ушакова письмо это было более важно, чем награждение орденами и чинами.

Начинался 1791 год. Несмотря на падение Измаила, неприступной дунайской крепости, Турция продолжала войну, надеясь на изменение международной обстановки. И правда, хотя Швецию, воевавшую одновременно с Турцией против России, победы моряков-балтийцев заставили выйти из войны, намечались новые враждебные выступления европейских держав. Придвигала к границам России свои войска хищная Пруссия.

Во главе антирусских интриг стал в это опасное для России время прусский король Фридрих-Вильгельм II, лживыми обещаниями привлечший к себе поляков, которых жестоко одурачил.

Англия тоже, со своей стороны, готовилась ввести в Балтийское море сильную эскадру.

Турки рассчитывали, что в такой обстановке Россия должна будет снять с юга лучшие свои войска. На море же они попрежнему надеялись положить конец победам «Ушак-паши». Весною из Босфора вышел турецкий флот, по численности самый большой в этой войне. Для разгрома наших черноморцев константинопольское правительство в дополнение к основным силам вытребовало отряды военных кораблей Туниса, Алжира, Триполи и Албании, прославленные на Средиземном море отчаянной удалью и морским искусством.

Это были искусные в морском деле корсары всего северного побережья Африки от Марокко до Египта. Они еще в XVIII веке производили успешные налеты на Францию, Испанию, на итальянские берега.

Алжирский адмирал Саид-Али, осмотрев огромную силу соединенных эскадр (18 линейных кораблей, 17 фрегатов, 43 мелких корабля), пообещал султану, что доставит «Ушак-пашу» в Константинополь.

Разведывательные суда Ушакова донесли ему о силах неприятеля. Ушакову также была известна стоянка турецкого флота у болгарских бере-

гов за мысом Калех-бурну (Калиакрия). Он даже знал о хвастовстве Саид-Али. Но противные ветры удерживали Ушакова в Севастополе. Адмирал с нетерпением ждал часа, когда сможет выйти навстречу неприятелю. Его нисколько не смущало, что против гигантской армады он имеет всего семь кораблей, одиннадцать фрегатов, два бомбардирских корабля и семнадцать мелких судов.

Ушаков делал переходы быстро, чтобы весть об его движении не бежала впереди. 31 июля 1791 года, не зная, что Ушаков близко, турецкий флот праздновал «рамазан». Часть команд была свезена на берег, и флот не мог быстро сняться с якоря, когда флагманам доложили, что с севера спускается русская эскадра.

Какие золотые руки должны были быть у ушаковцев-черноморцев, чтобы свои тяжелые, неуклюжие, валкие корабли сделать грозной и стройной эскадрой, наводящей ужас на врага, втрое сильнее и стоявшего под защитой береговых батарей!

Сосредоточенная в трех колоннах русская эскадра под боевыми вымпелами, с развевающимися андреевскими флагами обогнула мыс и вступила в коридор между береговыми батареями и неприятельскими кораблями. Корабли и фрегаты правой колонны быстро подавили огонь с берега. Паника распространилась на берегу и на судах врага, когда колонны живо перестроились в линию баталии и начали бой с дистанции от

полукабельтова (90 метров!) до кабельтова. С неприятельских кораблей турки бросались вплавь, на шлюпках стремились к своим судам. Выбирать якоря турки уже не имели времени и рубили канаты. Корабли сцеплялись рядами, ломали рангоут, ударялись бортами. Едва турецкие корабли заняли позиции для боя, как Ушаков смелой атакой на центр уже вогнул и смял всю линию. Флагманский корабль хвастливого Саид-Али, на который устремился на своем корабле Ушаков, потерял верхнюю половину фок-мачты (форстенгту) и важную часть вооружения грот-мачты. С борта «Рождества Христова» Ушаков обрадовал свою смелую команду насмешливым выкриком по адресу Саид-Али:

— Бездельник Саид! Вот отучу тебя давать небыточные обещания!

Восхищенные матросы продолжали жаркий огонь, а незадачливый алжирский флагман укрылся за линией своих кораблей и поспешил ставить новые стены. Однако в его корабле были еще подводные пробоины, и он едва добрался в Золотой Рог. На рейде судно затонуло, так как команда уже не в силах была выкачивать воду. Алжирская эскадра хоть в полном составе добралась в базу; другие корабли после трехчасового сражения, пользуясь сумерками, бежали от погони, кто куда, и тонули, где привелось: и у румелийских и у анатолийских берегов, и в открытом море.

«Наконец флот наш, — сообщал Потемкину

Ушаков, — всею линиею совсем окружил неприятеля и производил с такою отличною живостью жестокий огонь, что, повредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил многие корабли укрыться один за другим. При начале же ночной темноты (в 8 часов вечера) флот неприятельский был уже совершенно разбит до крайности и бежал стесненною кучей под ветер... Особенно разбиты и повреждены были все папшинские (то есть адмиральские) корабли».

Как раз в этот день, под влиянием новых сухопутных поражений, турецкое правительство подписало предварительные условия мира. Но сторонники войны в Константинополе надеялись, что им удастся склонить султана на возобновление военных действий. Страшная весть о гибели последнего, с трудом собранного флота заставила замолчать иностранных провокаторов войны и их агентов в турецких правящих кругах. Прошел слух, что Ушаков идет в Босфор на Константинополь. Это вызвало растерянность в турецком правительстве, и оно просило скорее сообщить Ушакову, что война прекращена. Таким образом последняя морская победа Ушакова помогла восстановить мир после четырехлетней тяжелой войны, хотя, конечно, победоносный исход этой тяжелой и затянувшейся войны мог быть решен лишь на суше и был решен блистательным штурмом и взятием крепости Измаил войсками Суворова.

В этой войне Черноморский флот, имевший восьмилетний возраст, богатырскими качествами личного состава и гением своего командующего стал крупной и неоспоримо господствующей силой в Черном море. С этого времени он был уже силою европейского масштаба.

Для Потемкина, создавшего флоту условия развития, Калиакринская победа была последней радостью перед смертью. Он даже не успел лично вручить победителю турецкого флота орден Александра Невского. Федор Федорович Ушаков получил орден 14 октября. Спустя две недели в Яссах был подписан уже без Потемкина мир, по которому на запад Черноморское русское побережье распространилось до Днестра. Днепр с Бугом перестали быть пограничными реками. Вся южная Украина была освобождена. Севастопольский флот должен был оберегать выросшую морскую границу государства зоркой морской службой.

ДУША СЕВАСТОПОЛЯ

Трудно найти город, который оправдал бы с таким героическим величием свое название. По-гречески Севастополь — священный город, город великих дел. И действительно, он был и остался таким до наших дней. Народу памятен одиннадцать месяцев Севастопольской обороны в Крымскую войну 1853—1855 годов. Родны и близки каждому патриоту имена адмиралов Нахимова, Истомина, Корнилова и героев-матросов, из шестна-

дцати тысяч которых к концу осады осталось в живых восемьсот человек и которые во всей своей массе не уступали прославившемуся своей ловкостью и лихостью матросу Кошке. Дорог общий образ моряка-черноморца — победителя при Синопе, защитника советского юга от интервентов в 1918 году, героя Отечественной войны в оборонительных боях за Одессу, снова в многомесячной обороне Севастополя и в обратном наступательном движении с Северного Кавказа на запад, к Дунаю.

В Севастополе от рождения его рядом с древней Корсунью, которую не раз воевали киевские дружины, всегда жил боевой богатырский дух русского народа. Город возник как морской страж Русского моря, возвращенного народом дорогой ценой крови своих лучших сынов.

Федор Федорович Ушаков немало потрудился, чтобы укрепить корни прекрасных традиций города. Он не участвовал в формальной закладке города и порта. Севастополь был основан в мае 1783 года, когда Ушаков с севера собирался на Черное море. Но со следующего года, все время между походами в море, Ушаков был в Севастополе, а с 1790 года он — главный начальник порта. В первые два года своего управления Ушаков, естественно, внимательнее всего занимался кораблями. К городу его энергия могла обратиться лишь после заключения Ясского мира.

Севастополь тех дней, когда победоносная

эскадра вернулась к мирной стоянке, был небольшо-
шим военным поселением. Около бедной татар-
ской деревушки в беспорядке спускались к бухте
четыре-пять десятков домов. Между ними поме-
щалось несколько жалких лавчонок. Адмиралтей-
ство состояло из двух небольших складов, мач-
тового сарая и кузницы. Все было сделано
наспех, временно. Капитальные работы по строи-
тельству надо было вести заново. После смерти
Потемкина это было затруднительно. Гениаль-
ный администратор умел охватывать своим взо-
ром настоящее и смотреть в будущее. У него
были широкие планы. А после его смерти все
масштабы строительства сузились. Строили
Одессу, Николаев; на Севастополь оставались
крохи.

Ушаков к тому же не управлял после смерти
Потемкина всеми делами Черноморского флота.
Черноморское правление было возвращено Н. С.
Мордвинову, сыну известного ученого адмирала,
не обладавшему ни личными достоинствами, ни
морскими знаниями. За вздорность, мелочность и
слабую деятельность Потемкин уволил Мордвино-
ва из Херсона. Теперь Мордвинов всячески давал
чувствовать «потемкинскому любимцу», что тот
находится от него в зависимости.

Это отражалось на бюджете порта и эскадры, но
Ушаков преодолевал все затруднения и из года
в год осуществлял большую строительную про-
грамму и капитальный ремонт эскадры. Часто он
вынужден был вкладывать личные средства, и

казна в продолжение десяти лет задолжала ему крупную сумму.

В первом десятилетии Севастополя его окрестности оставались незаселенными. На холмах был мелкий лес, дикие ягодные кустарники. Ушаков завел для каждого экипажа сельскохозяйственные участки. Ряд участков был выделен для офицеров, отставных матросов и инвалидов. Севастополь приобрел собственную базу снабжения и рынок. В городе были на государственные средства вырыты колодцы, устроены дороги и загородный сад, организованы перевозки через бухты, построен больничный городок с двухэтажным каменным зданием госпиталя на триста коек. Верный своей всегдашней привычке заботиться о людях, Ушаков часто посещал госпиталь и добивался улучшений в питании больных.

Но, разумеется, строительство прежде всего было связано с прямыми нуждами флота. Ушаков предпринял и довел до конца строительство обширного адмиралтейства со слесарными, литейными, кузнечными, столярно-плотницкими, шкиперскими мастерскими. Адмиралтейство получило обширные магазины для хранения запасов. Для пороха были вырыты пещеры на побережье залива. Для новобранцев, рабочих адмиралтейства, экипажей кораблей, уходящих в ремонт, гарнизонных артиллеристов были выстроены просторные, крытые черепицею казармы.

Основательные постройки Ушакова удовлетворяли нужды флота до сороковых годов. Большое

широкое строительство в Севастополе возобновили лишь Лазарев, управлявший Черноморским флотом с 1831 года.

В продолжение ряда лет Ушаков покидал Севастополь только для практических плаваний с эскадрой. В самом начале мирного периода своей деятельности он был вызван императрицею в Петербург, но поспешил вернуться к флотской службе. В этой второй аудиенции у императрицы он мог бы добиться улучшения своего служебного положения; но он не пожаловался, что у него отобрали управление Черноморским флотом, и не просил ничего для себя. А докучливые его разговоры о нуждах флота никто не хотел слушать. В Петербурге считали роль Черноморского флота на многие лета сыгранной. Был, правда, короткий эпизод, когда отношения с Турцией портились и казалось, вновь вспыхнет война. Тогда, в начале 1794 года, последовал указ о приготвлении Черноморского флота, потому что он «чесменским пламенем Царьградские объять может стены».

Но практически Ушакову в том году дали средства для плавания только трех кораблей!

По своему чину вице-адмирала (с 1793 года) Ушаков мог требовать от Мордвинова гораздо большего внимания к своим запросам и предложениям. Но Мордвинов часто даже не отвечал Ушакову, а нередко вместо ответов присылал ему выговоры. В отношениях с этим своим жалким начальником Ушаков держался стойчески. Повторялась в некоторой степени история отношений

с Войновичем. Ушаков крепился и молчал, пока оставалась малейшая возможность работать. Но раньше или позже он должен был решительно вступить в борьбу с врагом своего дела. Толчком к конфликту с Войновичем послужило пренебрежение последнего к интересам боевых офицеров. Чашу терпения в отношениях с Мордвиновым переполнили безобразия в строительстве кораблей.

В Севастополе корабли не строились. Севастопольские верфи ремонтировали корабли, самое большее — строили посыльные суда. Севастопольская эскадра получала корабли из Николаева. Казалось бы, в мирной обстановке, когда постройка велась без спешки, корабли могли создаваться по совершенным чертежам. Казалось бы, строителям и Мордвинову, который не имел ушаковского опыта, следовало прислушиваться к советам и пожеланиям боевого адмирала. Но этого не было и в помине. Когда при испытаниях новых кораблей Ушаков заявил, что палуба загромождена и будет стеснять экипаж в сражении, что у кораблей неправильно образован корпус и потому они валки, что в нижней артиллерийской палубе некуда уходит пороховому дыму, Мордвинов резко оборвал адмирала. А разговор шел в каюте флагманского корабля в присутствии ряда офицеров. Поэтому адмирал считал себя вынужденным в интересах дела, службы и дисциплины добиться признания своей правоты или потребовать отставки.

Больно было думать, что придется покинуть Севастополь, на который адмирал затратил столько сил и которому готовил еще более прекрасное будущее. Но он не умел фальшивить, не умел отказываться от задач, которые совесть патриота обязывала разрешать без уступок. Ушаков написал императору Павлу I пространное письмо с изложением разногласий между ним и Мордвиновым. Было бы наивно думать, что Ушаков верил в справедливость императора. Царь, который из ненависти к делам матери и Потемкина переименовал Севастополь в Ахтиар, не мог быть симпатичен черноморскому адмиралу, душе Севастополя, близкому сотруднику Потемкина. Кроме того, гонитель Суворова и суворовского духа в армии не мог сочувствовать проводнику суворовского духа на флоте. Если Ушаков и обращался к царю, то потому, что хотел открыто выразить свое негодование. Об этом говорит тон письма: «Смерть предпочитаю я легчайшему несоответственному поведению и бесчестному служению: подчиненные усомнятся во мне в доверенности и надежде; военная дисциплина и субординация падут».

Не случилось ни отставки, ни поддержки адмирала. Международная обстановка потребовала вмешательства русских армий и флота в европейские дела. Правительству потребовались известные Европе полководец и флотоводец, потребовались Суворов и Ушаков. Так оборвался сева-стопольский период жизни Ушакова.

В немногих названиях удержал город память

об Ушакове. Сохранилось за ложиною, прилегающей к рейду, название Ушаковой балки. Павловским мысом называется выступ в Корабельной бухте, где стоял флагманский корабль Ушакова «Св. Павел». Но душу Ушакова город впитал в свои обгагрившиеся кровью камни. Старина Севастополя — это Ушаков.

БЛОКАДА И ШТУРМ КОРФУ

С величайшими усилиями в продолжение XVIII века русский народ пробился к Балтийскому и Черному морям. Но для международных сношений оба моря годились лишь при условии, что соседи русского государства на юго-западе и северо-западе будут вести дружественную России политику. Выходы из Черного и Балтийского морей идут через узкие проливы. Враждебная политика владельцев проливов может всегда запереть моря, блокировать русские порты.

Поэтому для России с приобретением морей получили важное политическое и экономическое значение отношения с Швецией и Данией на Балтике, с Турцией на Черном море. А в конце XVIII столетия на эти отношения нельзя было смотреть без тревоги. Войны, которые Франция начала для обороны своей свободы и независимости, из революционных превратились в империалистические, из оборонительных в завоевательные.

«Когда Наполеон создал французскую империю

с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона» (В. И. Ленин, т. XIX, стр. 181). В 1798 году Наполеон еще не был императором, но тенденции завоевательной политики Франции уже определились. Было ясно, что Франция хочет господствовать в Европе и в частности возобновляет враждебную России политику королевской Франции. Французские войска появились на западном побережье Балканского полуострова — в Далмации и Албании. Французы оккупировали Италию, Мальту, Ионические острова и Египет. Таким образом, в их руках был средиземноморский восток, важнейшие стратегические подступы к Константинополю — двери в Черное море.

В этих обстоятельствах для России важно было, чтобы Турция не оказалась управляемой из Парижа в качестве французского вассала, либо в качестве побежденной французами стороны. Когда выяснилось, что константинопольское правительство намерено сопротивляться наполеоновской агрессии, встал вопрос о военной помощи Турции. Россия уже взяла на себя обязательства участвовать в освобождении от французов итальянского севера, и туда направлялся с войсками великий Суворов. Для активной обороны Балтийского моря правительство послало эс-

кадру, и она действовала с английскими моряками у голландских берегов. Естественно было, чтобы такую же стратегическую задачу выполняли черноморцы в Средиземном море; вместе с турками и англичанами следовало перейти к наступательным операциям против французских опорных пунктов, а затем оказать флотом поддержку наступающему Суворову.

Севастопольская эскадра была в продолжительном крейсерстве, когда Ушаков получил приказ Павла I вступить в переговоры с Турцией о союзе и приготовиться к походу с эскадрой и отрядом сухопутных войск.

Эскадра, которую мог вести на трудное предприятие черноморский адмирал, была невелика. Она состояла из шести линейных кораблей, восьми фрегатов и трех бригов, с 746 орудиями. Личный состав эскадры доходил до семи тысяч рядовых и офицеров. В это число входило полторы тысячи солдат морской пехоты.

Мордвиновское руководство строительством Черноморского флота в этот момент сказалось во всей неприглядности. Новых кораблей крепкой постройки почти не было. Ушаков знал и не скрывал от Петербурга, что состояние кораблей скверное. Он писал адмиралу Куселеву за неделю до выхода из Севастополя, что «корабли и фрегаты в прошлую войну строились с великою поспешностью, только чтобы поспевали на военное дело, и от такого поспешного построения не так крепки, а часто и многие гнилости уже в членах

показываются. Артиллерия на всей эскадре весьма тяжелая, посему всегда, когда хожу я на море, стараюсь для сохранения судов избегать крепких ветров».

На что же рассчитывал адмирал? Да, конечно, на нравственную силу и воинское умение личного состава эскадры. Большая часть офицеров и матросов была с адмиралом в боевых делах. Ушаков шел с ветеранами, участниками его побед у Тендры и Калиакрии. Он был личным воспитателем многих офицеров и матросов. В продолжение шести мирных лет он стремился, чтобы морское умение окрепло. Он занимался с офицерами началами тактики, разбирая сражения иностранных флотов, обобщая опыт минувшей войны.

Флот ушел из Севастополя 23 августа и через десять дней был торжественно встречен на Босфоре. Здесь Ушаков быстро договорился об условиях союза и военных планах. Знание дважды посещенного Средиземного моря теперь сослужило ему службу. Он ясно видел политическую обстановку, знал, где может получить поддержку населения, какие пункты представляют стратегическое значение для развития операций. Поэтому он отклонил предложение британского командующего средиземноморской эскадрой Нельсона присоединиться к нему всеми силами. Нельсон уничтожил французскую эскадру в Абукире и нуждался в поддержке кораблями для того, чтобы блокировать войска Наполеона, находившегося в

Египте. Но для этого не нужны были большие силы. Ушаков отправил в распоряжение Нельсона два русских фрегата, два фрегата и десять канонерских лодок турок под командованием русского офицера.

План нашего адмирала заключался в том, чтобы захватить удобную укрепленную базу, из которой он мог бы угрожать французским коммуникациям и оказать поддержку Суворову. Такой базой являлась гавань Корфу на одноименном острове. Владение цепью Ионических островов — Итакой, Цериго, Кефалонией, Санта-Маврой, Занте и Корфу — создает выгодную позицию в Адриатическом море и одновременно позволяет с фланга угрожать флоту, который вздумает вступить в Эгейское море.

Выставив перед константинопольским правительством свой план, Ушаков отметил, что занятие Ионических островов не позволит французам распространяться и по Балканскому полуострову. Его проекты были приняты. Ушакову были обещаны десантные войска с артиллерией. Турецкое правительство обязалось доставлять продовольствие и снаряжение. Кроме того, в непосредственное подчинение Ушакова была передана турецкая эскадра из четырех линейных кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и четырнадцати канонерских лодок. Это была большая материальная сила, но с достоинствами и недостатками, издавна известными адмиралу. Ушаков видел, что корабли турок много лучше его.

С восхищением моряка, влюбленного в свою профессию, Ушаков писал из Константинополя в столицу о впечатлениях при посещении ста двадцатипушечного турецкого корабля. Он указывал на «совершенство постройки», на «весьма хорошие качества артиллерии». «Все корабли и фрегаты, — делал заключение о флоте нового союзника Ушаков, — обшиты медью, и нынешнее состояние их нахожу, хотя не совсем совершенно против европейских флотов, но против прежнего несравненно лучше, а частью и в настоящем порядке». Однако при таком состоянии материальной части морские турецкие экипажи не были на высоте военных требований. Они не умели нести суровую длительную крейсерскую службу. В блокаде Корфу они оказались почти бесполезны, частью даже принесли вред. Отсутствие дисциплины на турецких кораблях вело к беспечности и слабому наблюдению. Поэтому французскому фрегату «Женеро», вычернившему свои паруса, удалось в темную ночь проскользнуть между турецких кораблей. Когда от дежурного турецкого корабля Ушаков потребовал отправиться в погоню, командир лениво ответил: «Дуйте ему в паруса!» Он считал, что уход врага — уже достаточная победа!.. В операциях на берегу союзники оказались еще более недисциплинированными. Они не были стойки в бою, грабили население. В ряде случаев адмирал должен был рассчитывать только на русские силы.

Наконец, союзники не были достаточно искренни

и стремились урезанно выполнять договорные обязательства. Регулярных десантных войск Ушаков не получил. Снабжение эскадры шло с перебоями и доставляло адмиралу, особенно в зимние месяцы, много забот. Добавим к этому, что турецкий генерал-губернатор в Албании по сути дела был независимым князьком и продавал свои услуги неприятелю.

Политические интриги взваливали на плечи адмирала большую тяжесть. Ему нужны были подкрепления из России кораблями и войсками, нужно было энергичное содействие русской дипломатии, а из Петербурга больше всего выражали недовольство промедлением в операциях.

По началу освобождение Ионических островов шло быстро. В продолжение шести недель десанты с кораблей эскадры овладели Цериго, Занте, Кефалонией и Санта-Маврой, на которых были французские укрепления. Были взяты двести орудий, боезапас, разное военное имущество, и тысяча триста французских солдат и офицеров сложили оружие. Но основные силы французов были в Корфу, и этот пункт они намерены были защищать. Взятие Корфу было очень сложной задачей: это была оборудованная пенцианскими инженерами мощная крепость (Венеция владела Корфу до захвата островов французами). Главная цитадель была расположена на высокой скале в крепостном замке. Замок был обнесен толстыми и высокими гранитными стенами, располагал хорошо укрытыми батареями.

Два сильных форта прикрывали цитадель с ее казармами и высеченными в скале складами. Небольшой островок перед рейдом — Видо — французы укрепили батареями. Всего в крепости было шестьсот пятьдесят орудий, и, кроме артиллерийской прислуги, ее защищали три тысячи пехотинцев. Французское командование, имея богатые запасы, считало Корфу неприступным французским Гибралтаром и иронически заявляло, что «корабли на бастионы не войдут».

Корабли эскадры начали собираться перед островом с октября 1798 года. В начале ноября подошел Ушаков с основными силами. Но от немедленного штурма и даже занятия одного островка Видо адмирал должен был отказаться: он не имел достаточного числа пехоты. «Я желал, — доносил он в Петербург, — наипервее взять штурмом укрепленный многими батареями остров Видо, но почел необходимой надобностью оставить оный на время, чтобы обратить солдатскую команду для защищения жителей от нападения французов, к пресечению грабежа и заготовлению провианта в крепость». Ушаков мог бы добавить в этом рапорте, что такое решение требовалось также в целях ограждения населения от союзных отрядов албанцев.

Выжидание помощи для эскадры было тяжело. Постоянное крейсирование перед крепостью в зимних условиях утомляло экипажи. Часто круглосуточно помпы качали воду. Доски обшивки всплывали у бортов. К тому же питание из-за

неисправности турецких поставщиков было скверное. Среди команд начались тяжкие заболевания. В то время на кораблях, не имевших нынешней системы осушения и отопления, легко заводилась сырость. Вода хлестала в жилые помещения через прорезанные в бортах порты пушек. Деревянные крышки люков и портов, конечно, не были герметичны. Ушаков всегда имел на своих кораблях минимальное число больных, заботясь о просушке помещений и одежды, разнообразя пищу матросов. Однако в создавшихся условиях он мало чем мог противодействовать распространению болезней. На берегу был устроен госпиталь, но широко организовать лечение в условиях войны и недостатка людей адмирал не мог. Наоборот, он вынужден был увеличить тяготы экипажей работами на берегу. Нельзя было откладывать взятие Корфу. Надо было брать крепость наличными силами. Поэтому солдаты морской пехоты и матросы строили против фортов батареи и шанцы, рубили и возили лес, копали землю, сколачивали штурмовые лестницы.

Французский гарнизон не давал спокойно вести подготовительные осадные работы. Он делал вылазки, обстреливал из пушек русские позиции. После дня работы под холодным дождем, в грязи, ночью люди должны были вскакивать с земляных постелей, становиться в ружье, отбивать врага штыком. Верный суворовским принципам, адмирал Ушаков деятельно подготовлял победу,

но недостаток в боеприпасах и состояние команд наполняли тревогой и возмущали его великодушное сердце. Его письма после взятия Корфу к русскому послу в Константинополе хорошо раскрывают тяжелую обстановку экспедиции. «Недостатки наши, бывшие при осаде Корфу, все время были беспредельны, даже выстрелы пушечные необходимо было беречь для сильной и решительной атаки, посему с прежних батарей всегда стрелять я запрещал и не мог постоянно наносить желаемого вреда неприятелю...»

«Офицеры и служители за долгое время вовсе не получают жалованья и никакого довольствия; по неимению припасов невозможно приступить к исправлению кораблей, и прочие разные обстоятельства подвергают меня в великое уныние и даже в совершенную болезнь. Из всей древней истории не знаю я и не нахожу примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся».

Замечание о том, что флот оставлен Петербургом без внимания, объясняет «великое уныние» и «совершенную болезнь», о которых говорит в письме адмирал. Это уныние оттого, что правительство не стояло на должной высоте в отношении к славной исторической задаче, которую решает эскадра Ушакова. Эта «совершенная болезнь» происходила от стыда за равнодушие петербургского правительства, наносившее ущерб военному и политическому престижу народа.

«Мы не желаем никакого награждения, — заявляя адмирала, — лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду».

Слитность жизни, волевого напряжения, всех чувств Ушакова и моряков-черноморцев трогательно прекрасна. Такая слитность помогла войскам Суворова перевалить через Альпы со своим старым вождем. Такая слитность была у Нахимова с героями Севастопольской обороны.

Несомненно, что в это тяжелое время Ушаков черпал в мужестве своих подчиненных новые силы и решимость не отступать от Корфу. Он с гордостью и любовью к русскому матросу писал: «Наши служители, от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность; они работали в дождь, в мокроту, в слякоть или же обмороженными в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались».

Единственный портрет адмирала, оставшийся потомству, написан с Ушакова, когда ему было около шестилетности лет. При осаде Корфу ему было пятьдесят четыре года. Короткий парик не закрывал высокого лба. Умные, внимательные глаза тепло и доброжелательно смотрели на людей. У крупных губ лежали складки, всегда готовые распусться в улыбку. Статный, бодрый появлялся адмирал среди офицеров и матросов, скрывая заботы и тревоги. От молодого офицера и матроса было скрыто то состояние горечи и

раздражения, которое прорывалось в переписке адмирала. «Адмирал, гордясь усердием своих моряков, доставлял им все возможные случаи отличиться. Сам он действовал неусыпно, показывал всегда одинаковое расположение духа; он был всегда весел: в трудах, как на отдыхе, между христиан и среди магометан, на батареях и в каюте своей, — везде виден был откровенный, прямой и великодушный воин, хотя имел дело с искусным неприятелем, с непросвещенными союзниками и с коварными народами того края. Все подвиги его носили печать деятельности, усердия, твердости и правоты».

Так писал Метакса, лейтенант и штабной работник на эскадре Ушакова. Приставленный в качестве переводчика к флагману турецкого отряда кораблей, Метакса имел случаи разговаривать с Ушаковым по ряду серьезных вопросов. В частности, Метакса ездил к Али-паше Янинскому и привез невеселые сведения о продавшемся неприятелю турецком феодале. Очевидно, даже и в этом случае Федор Федорович сумел сохранить уверенность и спокойствие, необходимые для твердости и спокойствия всех окружающих.

В конце января 1799 года были закончены большие батареи для разрушения стен крепости и передовых укреплений французов. Ушаков, как в свое время Суворов перед Измаилом, заставил солдат и матросов провести несколько учебных штурмов. Он остался доволен сноровкою людей.

В два часа пополудни Ушаков мог оказать поддержку отрядам, штурмовавшим форты. До темноты они были взяты. Тогда французское командование в главной цитадели сочло ее защиту бесполезной и рассудило сдаться на милость победителя.

На исполненное любезностей письмо французов Ушаков письменно не стал отвечать.

— Я всегда на приятные договоры согласен, — с иронией заявил адмирал, выслушав письмо.

Он послал в крепость своего адъютанта. Условием Ушакова была безусловная капитуляция. Французы, которые дадут слово не участвовать в военных действиях, будут отпущены.

Даже Суворова поразила победа Ушакова. С живостью он воскликнул:

— Великий Петр наш жив! Что он произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, — то и теперь мы видим. Ура русскому флоту!.. Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?

ФЛОТОВОДЕЦ-ПОЛИТИК

Когда вице-адмирал Ушаков пришел с эскадрой в Босфор, все слои населения интересовались знаменитым флотоводцем, громившим турецких моряков. Было крайне трудно недавнему победителю выступать в роли дипломата, предлагающего укрепить добрососедские отношения военным союзом. Федор Федорович Ушаков блестяще

справился с этой задачей. Ему принадлежит честь первого установления добрых отношений с Турцией. Он добился для русских черноморских кораблей открытия проливов. Всей последующей деятельностью в Средиземном море он убедил турецкое правительство, что Россия не стремится к завоеванию проливов, что ее интересы не требуют этого. Россия стремится только к добрососедским отношениям с Турцией. Турецкое правительство убедилось, что русская военная сила в Средиземном море может не угрожать, а защищать Турцию с проливами от прабительских аппетитов других государств. И всякий раз, когда турецкое правительство освобождалось от враждебного России влияния иностранных дипломатов, оно вспоминало ушаковский период отношений между Россией и Турцией как образец добрых отношений между двумя черноморскими государствами.

Какими личными качествами обладал Ушаков для того, чтобы выполнить сложную роль дипломата? Он не был изощрен в тонкостях дипломатического искусства, не умел красно говорить, льстить, интриговать, как велось у дипломатических деятелей той эпохи. Вместо профессиональных дипломатических способов действий Ушаков пользовался своей привычкой прямодушно и твердо выставлять то, что он считал необходимым для чести своего государства и народа. Сочетание характера и ума делало его дипломатом высшего рода — подлинным представителем

нации. Обсуждая с адмиралом статьи договора, представители Турции видели, что он ценит султанские подарки и награды лишь как дань уважения русскому народу и славе русского оружия. Они увидели, что слово русского адмирала твердо и каждому его слову можно верить, что в дружбе он так же верен, как непреклонен в войне.

В положении командующего Средиземноморской эскадрой Ушаков имел широкое поле для военно-политических заключений. Он должен был на месте, и часто спешно, решать, какой политикой закреплять свои военные победы. Население Ионических островов обращалось к нему с адресами-петициями о принятии в российское подданство. Но он правильно понимал, что интересы России не в завоеваниях в Средиземном море. В то же время Ушаков твердо знал, что экономические, культурные и политические интересы русского народа требуют упрочения дружеских отношений с народами Средиземноморья. Начала расти русская морская торговля продуктами Черноморья в обмен на продукты средиземноморских стран. У нее было большое будущее, и ее нужно было обеспечить. Военно-морская охрана нового русского торгового пути нуждалась в базах. Корфу было для этого идеальным местом. Несомненно, что население, получившее русскую защиту своей свободы и независимости, будет радо предоставить своим защитникам необходимые привилегии. Ушаков считал, что культурное трудолюбивое население Ионических островов

нуждается в защите сильного государства, а администрацию оно может организовать само в соответствии со своими нуждами.

На каждом острове он предоставлял населению избирать свои органы самоуправления, не позволяя вмешиваться в их деятельность, в противоположность французам, и, к разочарованию турок, решительно ограждал собственность населения от всякого покушения.

Когда острова были окончательно освобождены от оккупационных французских войск, Ушаков вместе с местными патриотами выработал конституцию республики Ионических островов. Он не допустил господства дворянской партии, оградил в конституции права других сословий. Он храбро писал российскому самодержцу, что республиканская форма правления является средством наиболее действительного утверждения независимости этого государства. Для человека, который почти сорок лет занимался только флотом и администрацией в военно-морском порту, составление конституции было делом напряженного, огромого труда. Ушаков приказал привести для себя ряд местных установлений, законы Венецианской и Рагузинской республик. Он работал многие недели ночами, выслушивал и читал десятки предложений. Каким-нибудь специальным аппаратом, могущим облегчить его труд, адмирал не располагал. «При теперешних обстоятельствах, да и всегда, дел столь много, что если бы со мною десять писцов было, не

успели бы всего исполнить. Я никого таковых не имею, кто бы мог писать, выслушавши от меня только содержание, и потому затруднен и измучен бесподобно, так что, теряя последние силы, третий день совсем почти болен...»

Так писал Ушаков Кушелеву в марте 1799 года. Значит, сразу после военных трудов он ушел в новую сложную государственную деятельность. А ведь у него еще было по горло военных задач, и надо было наводить порядок на эскадре, ремонтировать корабли, подготавливать новые операции.

Суворов вступил в северную Италию и просил Ушакова выбить французов из итальянского порта Анкона, отправить крейсера в Венецианский залив. Нельсон звал к себе в южную Италию, где французы вступили в Неаполь. Неаполитанский король, бежавший в Сицилию, тоже присоединялся к просьбам Нельсона и ссылался на обещания императора Павла. Из Петербурга император требовал, чтобы Ушаков овладел Мальтой. Наконец, в ближнем тылу Ушакова Али-паша Янинский готовился к враждебным действиям, желая овладеть Корфу.

Ушаков снова действовал прямо и ясно. На попытки Али-паши ввести на Корфу несколько тысяч своих солдат он объявил, что будет считать это бунтом против соединенных эскадр Турции и России и прикажет топить все суда, на которых будут переправляться войска. Ушаков решительно предупредил, что это касается и того судна, на котором будет сам Али-паша.

После взятия Корфу все военные вопросы тесно сплетались со сложными политическими задачами. И не было случая, чтобы Ушаков принял решение, которое шло бы в разрез с правильными представлениями о чести и достоинстве русских морских сил.

Воспитанный на эскадре дух приводил к правильным решениям и младших начальников, определял поведение матросов.

Половина кораблей эскадры после тяжелой зимней кампании не могла идти в плавание. Еще в мае 1799 года Ушаков писал, что «с некоторых кораблей, особенно с «Богоявления», «Троицы» и с некоторых фрегатов, верхняя обшивка спадывает; обшивные доски иногда выплывают из-под них наверх... Гвозди так соржавели и истлели... что рассыпаются».

Организовать ремонт было крайне трудно. «К клеванью ни смолы, ни гарпиусу, ни серы горючей, ни железа, ни пеньки, ни лесу на бимсы — словом сказать: ничего нет». При таком положении адмирал взвалил на себя труд обеспечения ремонта, а в Италию послал все сколько-нибудь годные для плавания суда. Отряд капитана Сорокина высадил в южной Италии десантный отряд в шестьсот матросов. С этой горстью людей, привлекая к себе добровольцев, капитан-лейтенант Белли пересек полуостров и разбил крупные силы французов под Неаполем. Столица южной Италии была освобождена от французов. Но восстановленные монархические власти стали же-

стоко преследовать ту часть населения, которая была замешана в республиканских выступлениях и поддерживала французов. Белли помог бежать ряду преследуемых людей, много раз добивался в чрезвычайном суде помилования для обвиненных.

«Срам Италии и слава русским», заключает рассказ об этих событиях итальянский историк Ботта. В начале августа со всей эскадрой Ушаков пришел в неаполитанские воды. Он предложил Нельсону начать действия против Мальты. Нельсон же хотел завоевать остров для Англии и указал Ушакову на то, что раньше необходимо навести порядок в Италии и взять Рим. Так как такие действия облегчили бы операции Суворова, Ушаков согласился остаться в Неаполе и подготовить экспедицию на север. Снабженный полномочиями неаполитанского короля, Ушаков со свойственной ему энергией стал налаживать военный аппарат в Неаполе, обучать неаполитанские войска, которые были больше похожи на парадных солдатиков, чем на воинов; он сформировал смешанный русско-итальянский отряд для похода на Рим.

Через три дня после капитуляции в Рим вошел русский отряд, и восторженные овации римлян показали, что авторитет русских не поколеблен.

Приняв на корабль возвратившийся из Рима отряд, Ушаков снялся с якоря и взял курс к Мальте. Но в Мессине его нагнал приказ Павла I

возвращаться в Севастополь. Это было следствием решения императора прекратить войну против Франции ввиду предательских действий австрийцев по отношению к Суворову. Все европейские государства не понимали еще, что отказ от честного союза с русским оружием сделает их на многие годы жертвами наполеоновского империализма.

Все же Ушаков покидал Средиземное море с чувством хорошо выполненного долга. Здесь оставалось его детище — молодая республика Семи островов под покровительством русского флага. На пути к Босфору он еще раз зашел в Корфу. Сенат республики в торжественном собрании объявил его «отцом и спасителем народа». Делегации островов читали адреса, перечислявшие подвиги и заслуги адмирала. Ему преподнесли богатый изукрашенный щит, золотую шпагу, выбитую в его честь медаль. Взволнованно и просто ответил Ушаков на этот поток благодарных чувств.

Он сказал, что не его надо благодарить, а самоотверженных русских офицеров и матросов. Они же, в свою очередь, выполняли обязанность с честью представлять Россию. Адмирал пожелал, чтобы дружба русского народа с народами Средиземноморья, близкими по религии и языкам, развивалась так хорошо, как она началась.

Это была последняя политическая речь великого моряка.

УШАКОВСКАЯ ШКОЛА

Есть немало общего в жизни и в военном искусстве двух современников: великого Суворова и адмирала Ушакова. Эскадра, которую вел Ушаков, не знала поражений.

Как и Суворов, Ушаков основной целью боевой подготовки считал разгром, уничтожение противника в решительном бою. Он достигал этой цели, применяя смелую, небывалую до того в морских сражениях тактику. Вместо традиционной тогда, окостенелой линейной тактики, когда два флота вели бой, выстроившись двумя параллельными линиями, Ушаков решал исход сражения стремительным, каждый раз неожиданным и направленным к сокрушению противника маневром. Это была суворовская тактика на море.

В сражении при Фидониси враг имел четверное превосходство в линейных кораблях — и был разбит.

В Тендровском сражении у врага было около 14 линейных кораблей против 5 русских — и враг был разгромлен.

С дерзкой смелостью пройдя вдоль берега под огнем неприятельских батарей, Ушаков внезапно атаковал вдвое сильнейший вражеский флот у Калиакрии и разбил его.

Таковы основные черты всех морских сражений Ушакова. А сколько он давал сражений, столько одерживал побед!

То был возобновленный блеск морских побед петровской эпохи.

В блистательном сражении, когда эскадра под флагом Ушакова принудила к капитуляции казавшуюся неприступной крепость Корфу, на милость победителя сдались 4 французских генерала; русские моряки захватили 636 орудий, 5 500 ружей и целую вражескую флотилию в составе свыше 20 вымпелов.

Итальянская кампания русского флота, когда русские моряки вступили в Рим, была столь же славной, как и итальянский поход Суворова.

Другой замечательный русский моряк, адмирал С. О. Макаров, в «Рассуждениях по вопросам морской тактики» сделал удачную попытку определить черты, какими должен обладать выдающийся флотоводец:

«Командующий флотом должен иметь следующие качества:

1) характер, к которому также относятся храбрость и хладнокровие, 2) ум, 3) глазомер, 4) морской глаз, 5) познания, 6) здоровье, 7) справедливость». Макаров под характером разумел твердую, упорную волю, направленную на решение поставленных задач.

Всеми этими важными для военного вождя качествами обладал Ушаков.

Несколько лет со скудной материальной частью флота он готовил личный состав черноморцев к победе и не отступал от цели. Хладнокровно и смело он вел эскадру в бой против сильнейшего противника, не имея колебаний. И где надо было, он проявлял непоколебимую волю.

Это был сильный и цельный характер, один из наиболее ярких русских национальных характеров.

Полководец и флотоводец обязаны определять, как выгоднее сражаться с теми средствами и людьми, которые у них реально могут быть. Ушаков нашел такие средства боевого воспитания и тактики, которые позволили уравновесить слабость его флота. Свою тактику Ушаков построил на том, чтобы бить неприятеля по самым его слабым местам. Ум военного вождя не должен быть узко военным — он должен иметь качества крупного государственного деятеля, понимающего, что «стратегия является продолжением политики», и знающего время, когда оружие должно уступить место политике и дипломатии. И этими качествами обладал Ушаков. Наконец, ум военного вождя должен проявляться в таланте организатора, администратора, военного педагога и военного психолога. На многих примерах деятельности Ушакова в молодости, в Севастополе и в Средиземном море, эта сторона ума адмирала ярко проявилась.

«Суворовский глазомер, — поясняет свою мысль Макаров, — обозначает умение на войне по отрывочным и часто неточным данным ясно представить себе всю обстановку, чтобы, так сказать, на-глаз или в силу военного чутья быстро выбрать правильное решение».

Вспомним все сражения, в которых действовал

Ушаков. Противник начинал маневр, а Ушаков уже догадывался, что он хочет сделать, и опережал контрманевром. Едва Ушаков обозревал расположение неприятеля, как уже в его представлении начинал складываться план разгрома противника. «Морской глаз» Ушакова легко и сразу оценивал положение своего корабля и эскадры относительно чужих судов и берега. С исключительной уверенностью Ушаков проходил между береговыми батареями на мысе Калиакрии и неприятельским флотом, в стесненном районе перестраивал три колонны своих кораблей в линию баталии для охвата противника. А в мирной походной обстановке адмирал уверенно уводил корабли от шторма и, если было нужно, смело крейсировал в мелководных местах. Он много и всю жизнь работал над собою; об этом свидетельствуют его письма. Богатая событиями жизнь представила ему возможности многому практически научиться: от техники кораблестроения до тонкостей большой дипломатии. И он использовал все эти возможности.

В столкновениях с Войновичем, Мордвиновым, Али-пашою Ушаков занимал позицию человека исключительной нравственной чистоты и честности. Ушаков не только умом понимал величайшее значение для военных побед нравственной силы матросов и офицеров, но он сердцем, чувством был со своими морскими соратниками; он любил их, гордился ими и скромно считал их «главными двигателями», а

себя только «пружиною». Позднее этими словами выразил такое же отношение к матросам и своей роли их руководителя П. С. Нахимов.

В 1805 году Александр I приказал спросить у Ушакова, кого он считает подходящим для командования Средиземноморской эскадрой. Ушаков без колебаний назвал Д. Н. Сенявина, одного из своих многолетних соратников.

И Сенявин ярко завершил действия Ушакова на средиземноморском востоке, естественно продолжил все начинания великого адмирала. В афонском сражении Сенявин дал классический пример использования тактических принципов Ушакова. Он доказал тем самым, что Ушаков побеждал именно умелым применением выработанной им морской «науки побеждать».

В 1806 году наполеоновским агентам удалось спровоцировать Турцию на войну с Россией. Адмиралу Д. Н. Сенявину пришлось дать урок турецкой военной партии и доказать, что для Турции несравненно выгоднее иметь союзную, а не враждебную русскую эскадру. Сенявин ждал, когда недостатки снабжения Константинополя заставят турецкую эскадру покинуть Дарданеллы и попытаться нарушить блокаду, организованную кораблями Сенявина. Адмиралу наконец донесли, что турецкий флот вышел. И он отдал следующий приказ:

«Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но покауда неприятельские флаг-

маны не будут разбиты сильно, до тех пор должно ожидать сражения весьма упорного. Посему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначаются корабли «Рафаил» с «Сильным», «Селафаил» с «Уриилом» и «Мощный» с «Ярославом». Дальше в приказе короткие указания, чтобы неприятеля на якоре бить по корпусу, а под парусами — по мачтам. Нападение должно вестись каждой парой кораблей с одной стороны. Адмирала не интересует, сколько судов будет у неприятеля. Он оставляет опять-таки по примеру Ушакова резерв при флагманском корабле.

Есть только одно новшество в этих указаниях. Сенявин требует, чтобы атакующие корабли были по два с одной стороны. Цель такого маневра понятна: артиллерия противоположного борта неприятельского корабля не сможет быть использована им. Это кажется очень простым решением. Однако оно стало возможным для Сенявина потому, что корабли, построенные в Балтике по новым чертежам, могли искуснее маневрировать, чем старые черноморские корабли Ушакова. Сенявин мог также поставить перед артиллеристами задачу увеличения скорострельности, потому что вместо фитилей на пушках были новоизобретенные замки и взрыв пороха производился механическим ударом.

Турецкая эскадра была усмотрена на заре. Она выстроилась в линию баталии, имея флагманские

корабли в центре. Шесть атакующих кораблей Сенявина, в трех колоннах по два корабля, на параллельных курсах стали спускаться на вдвое более сильную турецкую эскадру. Турки открыли огонь. Русские не отвечали. Турецкие ядра стали вредить русским кораблям, но они продолжали идти на сближение до дистанции картечного выстрела. На этом расстоянии они тоже открыли огонь. Туркам удалось временно вывести из линии «Рафаил». Этот корабль перестал слушаться руля и, жестоко избиваемый большими мраморными ядрами, прорезал турецкую линию. Но остальные пять кораблей с исключительной точностью выполнили приказ Сенявина. Фрегаты противника попытались помочь своим флагманам, но Сенявин выступил с резервом, атаковал их и прогнал. «Рафаил» исправил свои повреждения и возвратился в бой. Головные линейные корабли турок тогда оказались между двух огней, и это решило судьбу сражения с безусловным и крупным успехом для Сенявина. Флагманский турецкий корабль спустил флаг, семь кораблей и фрегатов были утоплены и сожжены, а остатки эскадры бежали в Дарданеллы.

Ушаков узнал об этом замечательном подтверждении своей тактики в дни, когда он расставался с флотом. И это было единственным утешением для старого моряка. Он мог сказать себе: люди уходят, дела остаются, а в памяти о делах оживают их творцы.

Да, ему пришлось расстаться с флотом. Несколько лет безжалостно и равнодушно он был вычеркнут из жизни, хотя сохранял здоровье и работоспособность. Как это случилось? Что было причиной опалы?

За взятие Корфу Ушаков получил чин полного адмирала. Все операции 1799 года были успешны. Возвратясь в Севастополь, он обратился к прямым своим обязанностям с прежним рвением. Тем не менее в 1802 году его перевели на Балтийское море главным командиром гребного флота. Это означало удаление от дел флота. Еще в продолжение пяти лет ждал Ушаков, что правительство вернет его к живой, настоящей работе, но этого не случилось, и в 1807 году он попросил об отставке. Просьба была поспешно удовлетворена, и Ушаков удалился в маленькое имение Тамбовской губернии в родном Темниковском уезде. Из завещания Ушакова, составленного в 1810 году, видно, что оброчных крестьян у него не было. Он жил на половинном жалованье, как полагалось для всех вышедших в отставку, и еще помогал племянницам и моряку-племяннику. Теперь у него было много свободного времени — он занимался с деревенскими ребятишками, вел духовные беседы с учеными монахами ближайшего монастыря и... конечно, тосковал по флоту. Он скончался 2 октября 1817 года, и петербургская газета «Северная почта» маленькой заметкой коротко известила о

смерти знаменитого адмирала. Печальная смерть после пятнадцатилетнего забвения при жизни!

Павлу I в свое время пришлось призвать Суворова, уже загнанного в ссылку, и пришлось назначить Ушакова — других людей не было для предприятий европейского значения.

Но даже в свой триумфальный корфинский период Ушаков ощущал петербургский холод. «За все мои старания, столь многие неуспешные труды из Петербурга не замечаю соответствия», делился Ушаков тогда своими переживаниями с русским послом в Турции.

Новый самодержец Александр I не понял огромного значения флота для России. Победы Сеньявина не заставили его подумать о пересмотре отношения к флоту.

Была принята официальная программа: «России быть нельзя в числе первенствующих морских держав. довольно, если морские силы наши устроены будут только на двух предметах: обеспечении берегов и гаваней наших на Черном море, имев там силы, соразмерные турецким, и достаточный флот на Балтийском море, чтобы на оном господствовать».

Не было ничего удивительного в том, что российский самодержец лишил флот Ушакова. Через два года он лишил флот Сеньявина.

Правительство Александра I не помнило завета Петра I, что государству нужны две одинаково сильные руки — армия и флот.

На речном пути между двумя морями — на пути из Скандинавии в Византию, «из варяг в греки» — расцветало Киевское государство. С «окном в Европу» при Петре I Московское государство превратилось в великую Российскую империю. Пренебрежение к морской силе с современным оружием было одной из причин поражения России в Крымской войне 1854—1855 годов и в войне с Японией через полвека. Все крупные государственные деятели России от Ивана Грозного стремились вернуть стране ее моря и увеличить ее морскую силу.

Русский народ никогда не расставался с морской идеей. Она жила в былинах, поддерживалась русскими мореходами в лице Дежнева, плеядой морских исследователей от Чирикова и Лаптева до Седова, военными моряками Спиридовым, Ушаковым и Сснявиным, Нахимовым и Макаровым.

Свободный советский народ гордится тем, что его великая держава выходит к трем океанам, имеет четырнадцать морей. Советский народ по сталинскому призыву начал строить могучий океанский и морской флот. Верные морским русским традициям, советские патриоты — военные моряки — в Отечественной войне совершили на морских театрах войны ряд богатырских подвигов, обогатили военно-морское искусство новыми приемами достижения побед, оказали братскую

поддержку Красной Армии в самые трудные минуты борьбы с врагом.

В создании этих боевых традиций, в развитии национальной военно-морской тактики, в разрешении ряда исторически важных для нашего государства морских проблем адмирал Ушаков сыграл громадную роль. Вот почему Указом Верховного Совета для морских офицеров создан высокий орден славы — орден Ушакова. Им будут награждаться руководители победоносных морских операций Военно-Морского Флота СССР. И народ должен знать жизнь Ушакова — великого русского моряка. Пусть его образ вдохновляет молодежь на смелую, беззаветную морскую службу родине.

ОРДЕНА МОРСКОЙ СЛАВЫ

На воде не остается следов. Вода не может, как дороги, заваленные брошенной, искаженной техникой врага, красноречиво рассказать о подвигах героев Отечественной войны. В бесконечных пространствах моря не прочитать о том, как появлялись на вражеских коммуникациях терпеливые и упорные мстители-подводники, как в бурю, в ураганы экипажи миноносцев и тральщиков конвоировали транспорты ценных грузов, отражали удары немецких торпедоносцев и пикировщиков, истребляли немецкие рейдеры, как под внезапный гром орудий линкоров и крейсеров

врывались на берег противника богатыри-десантники.

Но вечно будут памятны подвиги советских моряков во время Великой отечественной войны с немецким фашизмом.

Не забудут потомки переброски ханковцев бесстрашными моряками отважного вице-адмирала Дрозда. Их доставили в блокированный Ленинград, несмотря на минные поля, артиллерийские обстрелы и бомбовые удары противника. Не забудут и заполярных катерников краснознаменного дивизиона, которые умелыми десантными операциями сорвали попытки врага прорваться к Кольскому заливу и Мурманску. Отважные крейсера и набег в морской тыл немцев вынуждают гитлеровское командование трепетать за каждый корабль, покидающий охраняемый порт. Не забудут потомки и моряков — гвардейцев кораблей и соединений, прорывавших блокаду Севастополя и Одессы, прославленных лихими морскими атаками Новороссийска, азовских портов, крымского побережья.

Были, есть и будут среди командиров, обеспечивающих и осуществляющих активные операции флота, много офицеров, достойных почетных наград Советского Союза, Военно-Морской Флот нашего государства, выпестованный великим Сталиным, стал мощной силой, достойной лучших и высоких традиций русского морского оружия.

На морях и за моря славяне сражались исстари. На пути между морями — «из варяг в греки» — они сплотились в Русь. Даже в те далекие, темные времена, когда враги оттеснили наших предков с приморских земель дедичей, государственное сознание народа хранило любовную память о древней морской славе. Народ помнил об Олеговом щите, о дальних походах старинных ладей и кочей. Народ понимал великое значение морской силы для своего настоящего и будущего, и он поэтически живописал корабли: «Тонки паруса были дорогой камки, дорогой камочки, хрущатые, толсты снасти-канаты семи шелков, остры якоря булатные...» «Высокошенько их головушка приподнята, нос—корма сведены по-туриному, широки бока по звериному...»

В продолжение четырех веков свою морскую страсть-любовь народ мог питать на одном лишь суровом Севере. Жаркая привязанность к морю не остудилась там. Русские мореходы дошли до Тихого океана. А в первую четверть XVIII столетия для тех, кто не знал России и ее морской души, кто считал русский народ сугубо континентальным, свершилось чудо: на Балтийском море русские разгромили мощную морскую державу и стали господствующей морской силой. Затем чудо повторилось в последней четверти столетия. С той же стремительностью и напором возникла морская мощь на Черном море. И наконец исполнилось время «нам морями дальше

плавать, владеть любой глубиной» на всех водных границах великого советского государства.

Став самостоятельным хозяином государства, народ позаботился о росте своей морской мощи, послал на военный флот лучших своих сынов, развил судостроение, обеспечил создание морских баз. Первые плоды этого великого труда мы уже получили. В сражениях Отечественной войны укрепилось наше стремление быть равносильными для охраны своего мирного труда и культуры как на суше, так и на море.

Учреждение орденов двух великих русских флотоводцев — Ушакова и Нахимова — раскрывает громадное значение морской службы родине.

С именем адмирала Ушакова связано создание в ходе войны боевого флота, искусство воспитания офицеров и матросов для решительных атак против сильнейшего врага. Это имя самостоятельного творца передовой военно-морской тактики. В трех кампаниях Ушаков овладел Черным морем и уничтожил флот противника. За несколько месяцев эскадра Ушакова, оторванная от своих баз, завоевала Корфу со всеми Ионическими островами, что сделало ее грозной силой на далеком от родины театре войны. Имя Ушакова — это символ русского умения воевать, военно-морского творчества, дерзкой и разумной отваги.

Имя Нахимова отождествляется в народном сознании с морской честью, с презрением к

смерти, с безоговорочной решительностью в действиях, с готовностью и способностью выполнить невозможное. Штормы не могли помешать Нахиму. Ему неделями держаться в море, чтобы из Синопа не улизнули неприятельские корабли. Отдав сигнал к бою и втягиваясь под огнем неприятельских батарей в Синопскую бухту, адмиральский корабль Нахимова показал эскадре полуденное время, как будто командующий вел колонну в будничном переходе.

В Севастополе мало оставалось солдат, когда Меншиков отступил к Симферополю. Но надо было задержать армию в шестьдесят тысяч человек, подходившую к городу с незащищенного тыла, и Павел Степанович Нахимов объявил по эскадре, что команды с абордажным оружием и артиллерией должны выйти на берег. Он был уверен в офицерах и матросах. Он был убежден, что каждый из его подчиненных будет драться, как герой. В приказе по эскадре адмирал простой фразой укреплял уверенность своих подчиненных: «...Нас соберется до трех тысяч». Три против шестидесяти! И потомки в самых тяжелых обстоятельствах помнили эту норму русского героизма.

С именами Ушакова и Нахимова связана морская традиция тесной сплоченности начальников и подчиненных. Адмиралы были глубоко убеждены в решающем значении нравственной силы офицера и матроса, патриотизма, помогающего выносить все трудности военной и морской жизни.

Ушаков штурмовал с кораблей неприступные бастионы Корфу, и его моряки водрузили на завоеванной цитадели русский флаг. Нахимов построил руками своих команд неприступные бастионы и цементировал Малахов курган собственной кровью.

В именах Ушакова и Нахимова — слава морского уменья русского народа. Оба флотоводца учились на Балтике, закалялись на Баренцовом море и Атлантике, сражались на Черном и Средиземном морях, с честью несли флаг родины в порты многих морей.

Живые в сознании советского моряка, дорогие лица на звездах славных офицерских орденов и на медалях матросской доблести отныне будут отмечать события новых глав нашей военно-морской истории.

Слава офицерам, которые завоюют право носить ордена Ушакова и Нахимова, слава матросам и старшинам, которые удостоятся почетной награды — медали Ушакова и Нахимова!

Слава!

СОДЕРЖАНИЕ

Годы подготовки	3
Между двумя войнами	10
Тактика Ушакова в действии	22
Три сражения — три победы	31
Душа Севастополя	43
Блокада и штурм Корфу	50
Флотоводец-политик	64
Ушаковская школа	72
Ордена морекой славы	82

Редактор *В. Сафонов*

Подписано к печ. 10/IV 1944 г. Л45411. 29³/₄ печ. л. 47 000 экз.
в печ. л. 3,3 уч.-изд. л. Тираж 25 000. Зак. 1981.
Цена 1 руб. 50 коп.

Ф-ка юн.ш. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва,
ул. Фр. Энгельса, 46.

Цена 1 руб. 50 коп.

191